

INSPIRIA

Четыре эпохи
Четыре имени
Только одна любовь

ЧЕТЫРЕ ЖИЗНИ

ХЕЛЕН
ЛАМБЕРТ

КОНСТАНС
СЭЙЕРС

INSPIRIA

Universum. Чаромантика

Констанс Сэйерс

Четыре жизни Хелен Ламберт

2020

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Сэйерс К.

Четыре жизни Хелен Ламберт / К. Сэйерс — 2020 — (Universum. Чаромантика)

ISBN 978-5-04-117497-2

В 1895-м её звали Джульетта. В 16 лет она стала музой и возлюбленной женатого художника – и это принесло ей только боль. В 1932-м её звали Нора. Она сбежала в Голливуд от любовника, награждавшего её побоями, навстречу блеску и славе кинозвезды. В 1970-м её звали Сандра. Она играла в музыкальной группе, влюбилась в чужого мужа – и обнаружила, что умеет исцелять наложением рук. Сейчас её зовут Хелен Ламберт. Ей 33, она руководит крупным журналом и только что развелась. На свидании вслепую она встречает мужчину, который утверждает, что любил её в прошлых жизнях – и что она обречена умереть, едва ей исполнится 34. А чтобы разорвать проклятый круг смерти, перерождений и любовных интриг, делающих несчастной её и других, Хелен придётся пожертвовать самым дорогим... Встречайте красивую историю с головокружительным сюжетом - о любви сквозь перерождения, вызывающий в памяти такие признанные шедевры, как «Облачный атлас» Дэвида Митчелла, «Дракула Брэма Стокера» Фрэнсиса Форда Копполы и «Фонтан» Даррена Аронофски. Действие романа разворачивается в четырех ярких эпохах и знаковых местах: Париж конца XIX века, «золотой век» Голливуда, Лос-Анджелес 1970-х годов и современный Вашингтон. Это органичный сплав фантастики, романтики и повседневности, где есть место ведьмам, приворотным зельям, проклятиям и притягательным демонам. Высокие рейтинги на Западе и масса положительных отзывов иностранных читателей: более 700 оценок на Amazon (4,5 из 5) и 3500 на Goodreads (4,2). «Книга читается на одном дыхании! Откровенная история о запретной любви, которая длится на протяжении нескольких жизней. На страницах этого романа Вас ждёт полное погружение в загадочность происходящего, где ведьмы, демоны и реальная жизнь сплетаются в одно целое». Ксения @mal__books «Верите ли вы в бессмертную душу? А в то, что любовь сильнее смерти? А что, если это не благо, а проклятие? В романе

«Четыре жизни Хелен Ламберт» героине предстоит получить ответ на все эти вопросы. Мое сердце разрывалось каждый раз, когда очередная жизнь героини прерывалась и порочный круг начинался заново. А вам, дорогие читатели, только предстоит узнать, получится ли у Хелен снять проклятие и прожить свою жизнь счастливо до самого конца.» Анна Петелина, бренд-менеджер

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-117497-2

© Сэйерс К., 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	31
Глава 7	35
Глава 8	41
Глава 9	46
Глава 10	49
Глава 11	55
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Констанс Сэйерс

Четыре жизни Хелен Ламберт

Посвящается моей сестре, Лойс Сэйерс

Я безнадежно влюблён в воспоминания.

В эхо из другого времени и места.

Майкл Фоде

Глава 1

Хелен Ламберт

Вашингтон, 24 мая 2012 года

Не успела я развестись, как друг уже устроил мне свидание вслепую. Зайдя в бар отеля «Софитель» на 15-й улице, я спросила мистера Варнера. Хостес указала на мужчину, сидящего в одиночестве у окна.

Вашингтон по сути своей – это благородный южный город с соответствующим дресс-кодом. В комнате, пестрящей темно-синими костюмами, галстуками-бабочками и летними хлопковыми платьями, Люк Варнер выглядел абсолютно не к месту. С ног до головы одетый в черное, он напоминал арт-директора из Сохо¹, который ошибся станцией, вышел на Пенн-Стэйшн и очутился среди тучных мужчин с бурбоном в руках и сигарами в зубах.

Он поднял глаза, и вся его эффектность вмиг испарилась. Люк Варнер не обладал некими особенными чертами лица. Напротив, он выглядел нейтрально, точно излюбленная пара брюк цвета хаки. На мгновение мне стало любопытно, о чем вообще думал Микки, когда устраивал нам встречу. Этот мужчина был совершенно *не* в моем вкусе.

– Хелен Ламберт. – Я протянула липкую от влажности руку (признак того, что я не ходила на свидания почти десять лет). Я думала, встреча не затянется. Решила, что пропустим стаканчик-другой, и на этом все. Я только начала оправляться после развода, и тренировочное свидание должно было пойти мне на пользу.

– Очень приятно. Люк Варнер. – Мужчина встал; долю секунды он изучал меня, как будто удивляясь чему-то.

Несмотря на собственное разочарование, я слегка опешила. Неужели я тоже не соответствовала описанию Микки? Люк задумчиво уселся на место, как будто разгадывая головоломку. После того как он жестом пригласил меня присоединиться, между нами воцарилась долгая и настороженная тишина.

– Микки рассказывал о твоём доме. Сказать, что он восхищен, это ничего не сказать. – Я села и принялась болтать, нервозно теребя на коленях тканевую салфетку. К моему ужасу, белые нитки начали предательски рассыпаться по всей черной юбке.

Я махнула салфеткой в сторону хостес, будто в знак капитуляции.

Уголок рта Варнера приподнялся – его умилили мои тщетные попытки привлечь внимание администратора. В то же время я почувствовала, что переигрываю, почти как актриса водевиля.

– Ну, вообще-то он старый, – признался Люк.

– А? – Я бросила на собеседника озадаченный взгляд.

¹ Манхэттен.

– *Дом*, – усмехнулся Варнер. – Ты спрашивала о *доме*. – В голосе послышалась хрипотца, как бы намекающая на то, что Варнер любил покурить. – Мне нравятся дома с историей. С «характером», как сейчас говорят.

– С характером, – кивнула я. – Микки рассказывал, что мы вместе работаем?

Люк с ухмылкой откинулся на спинку стула.

– Я слышал, ты руководишь журналом.

– Да. «В кадре». – Я гордо выпрямилась. – Название олицетворяет взгляд на фотографию, на то, что находится в объективе, или, как гласит название, «в кадре». Мы следим за тенденциями и за тем, что попадает в центр внимания, будь то политика, культура, религия, мода, образ жизни... Наши репортеры работают по всему миру, а фотографии получили широкую огласку.

Слова звучали как текст из буклета, поэтому я смолкла. И удержалась от уточнения, что журнал только что получил Национальную премию и был охарактеризован как «одно из самых важных изданий, вносящих вклад не только на национальном, но и мировом поприще».

Хостес наконец-то протянула мне новую черную салфетку, и я расстелила ее на коленях. Я так сильно нервничала, что мне пришлось скрестить ноги, чтобы остановить странный мандраж. С чего вдруг я волнуюсь перед мужчиной, который показался мне совершенно не интересным? Я списала все на нервы; в конце концов, это мое первое свидание за долгое время. И тем не менее было что-то еще...

– «В кадре», верно, – заметил он. – Видел его в газетных киосках.

– Это крупный журнал. Крупнее большинства, – заново начала я. – Фотографии просто отпадные.

С глубоким вздохом Люк посмотрел на стол.

– Ты не изменилась. Нет, конечно, ты *изменилась*... особенно волосы. Они теперь *медного* оттенка. – Он принялся разглядывать вилку. – Прости, – пробормотал он.

– Прошу прощения? – Я решила, что неправильно его поняла. – Мы только что познакомились. – Смеясь, я поменяла местами вилку и нож.

Люк открыл меню, просмотрел названия блюд, после чего бросил его на стол.

– Я никого тебе не напоминаю? – уточнил он, склонив голову.

Я в ответ смущенно покачала головой.

– Мы разве встречались? У меня *ужасная* память.

– Совсем никого? В самом деле? – Люк наклонился, чтобы я лучше рассмотрела его лицо.

Его некрупные темно-синие глаза как будто танцевали над зажженной свечой. Я заметила на лице случайный загар, какой появляется после работы в саду, и однодневную светлую щетину – или, может, седую? В тот момент, при свете свечи, что-то в нем *действительно* показалось знакомым.

– Нет, – заверила я. Хотя это была ложь.

– Ненавижу этот момент. – Люк Варнер нервно потер колени. – Уже тридцать лет как ненавижу, но ты все равно меня зовешь, и все повторяется снова. – Для драматизма он очертил в воздухе круг тонким указательным пальцем. – Что-то давненько я тебя не видел.

– Прошу прощения? Я... тебя *что*? Зову?

– Ну да. Впервые это случилось в тысяча восемьсот девяносто пятом году во Франции. – Он взял паузу. – Нет, если быть точным, это была твоя мать, но нам не обязательно вдаваться в подробности.

– Моя *мать*?

Я представила Марджи Коннор, мою маму, которая в тот самый момент поела «Гауду» и распивала вино в книжном клубе. В этом месяце они снова приступили к «Библии ядовитого леса»².

² Роман Барбары Кингсолвер.

– Потом мы встречались в Лос-Анджелесе в тысяча девятьсот тридцать пятом году. А последний раз был в Таосе в семидесятом. Честно говоря, я бы предпочел, чтобы ты вернулась в Венецию или в другое более интересное место. Этот Вашингтон – то еще болото. – Люк Варнер нахмурился. – Я знаю, ты видишь в нем сходство с Парижем, но... – Голос стих, и Люк небрежно устроился в кресле, как будто только что закончил рассказ о дне в офисе.

Я выдохнула достаточно громко, чтобы ненароком привлечь внимание мужчины за соседним столиком.

– Позволь прояснить. Я звала тебя в 1895 году? – Положив на стол салфетку, я посмотрела на куртку. Затем встала. – Мистер Варнер, мне жаль, но вы, должно быть, перепутали меня с кем-то другим.

– Хелен, – сказал он с напором, который меня удивил. – Давай обойдемся без драматизма. Театральность – не мой конек. *Присядь.*

– Присесть? – Я наклонилась, положив руки на стол. – Вы сумасшедший, мистер Варнер. Я вас не знаю. Мне тридцать три года, а не сто. Я никогда не встречала вас во Франции или где-либо еще. А моя мать работает в Национальном институте здоровья. Уверяю вас, она не... звала вас в 1895 году.

– Хелен. – Варнер понизил голос. – *Сядь.*

И по какой-то странной причине я послушалась и опустилась на стул.

Мы сидели и смотрели друг на друга. Свечи на столах напоминали маленькие уличные фонари. В тот момент я почувствовала что-то знакомое. И тогда меня осенило. *Газовые фонари?* Я покачала головой, чтобы отпугнуть четкий образ залитого светом мужчины. Образы в голове сменяли друг друга как вспышки. Я увидела Люка Варнера в экипаже, и он улыбался мне, пока мы ехали по широкому бульвару. Поездку сопровождало решительное цоканье копыт по мостовой. Повсеместно мерцающий свет, словно включенный под одеялом фонарик, выделял его лицо. Одежда выглядела странно неуместной – почти викторианской. Обстановка тоже казалась странной. Я покачнулась на стуле, держась за стол обеими руками, затем повернулась и посмотрела в окно. Мне чудилось, что освещенные гирляндами деревья покачивались и заговорщицки мерцали друг другу, озаряя Люка светом из иного времени. В тот момент Люк Варнер напоминал мне трагического героя из стихотворения Шелли.

Странный мужчина отодвинул меню.

– Недавно ты обратилась ко мне и попросила кое-что сделать. Я выполнил твою просьбу.

Я уже хотела запротестовать, но он вдруг поднял руку.

– Хелен, ты серьезно? Мы ведь оба знаем, о чем я говорю.

И да, я знала, о чем шла речь.

Глава 2

Хелен Ламберт

Вашингтон, январь 2012 года

В конце января мой муж Роджер объявил о расторжении наших отношений. К юристам мы не торопились, поскольку никто из нас не собирался разводиться, даже невзирая на годичную разлуку. Мы пробовали терапию. Мы пробовали жить вместе, пробовали жить отдельно, но, казалось, ничто не помогало нашему брачному союзу. Я чувствовала себя брошенной ради его первой и единственной любви – галереи «Ганновер».

Роджер был главным куратором и директором галереи, в которой хранилось более трех тысяч французских и американских картин, а также одна из крупнейших коллекций черно-белых фотографий, когда-либо собранных в США. Для Роджера «Ганновер» был не просто зданием; все оказалось гораздо сложнее – муж был поистине одержим своим детищем. Коллекция занимала все его время, и места на шедевры никогда не хватало. Я находила эскизы зданий и планы этажей на салфетках и бумажных лоскутках. Даже в ванной! Мне было трудно привлечь внимание Роджера к чему-то настолько обыденному, как, например, к ремонту сломавшейся посудомоечной машины. За три года он провернул многомиллионную кампанию (восемьдесят пять миллионов долларов, если быть точнее), чтобы построить идеальный «дом» для своей коллекции. Успеху этой кампании немало способствовал найм Сары Дэвидз, которая, по всей видимости, являла собой настоящий феномен в том, что касалось сбора средств. Роджеру удалось увеличить посещаемость музея до 425 000 человек. Неплохо, учитывая, что его *частная* галерея конкурировала с бесплатными смитсоновскими музеями, разбросанными по всему Вашингтону. В нашем городе-музее королем стал Роджер Ламберт – вундеркинд в мире филантропии, безумный гений! О нем писали в «Нью-Йорк таймс», «Вашингтон пост» и в «Хрониках филантропии». Он даже успел выступить со знаменитой речью о том, как простые организаторы способны собрать деньги на любимые сердцу дела! А потом он взял и шокировал жителей Вашингтона (возможно, даже некоторых из величайших создателей музеев): начал сотрудничество *не* с американским архитектором, а с японской фирмой. Цель столь необычной коллаборации заключалась в строительстве стеклянной конструкции в перспективном прибрежном районе города. Попытка перенести «Ганновер» с нынешнего места, из старого георгианского особняка на Резервуар-роуд, на модный участок Мэйн-авеню настроила против Роджера весь музейный мир. В конечном счете «Вашингтон пост» назвал его бесценный дизайн «дорогой пародией на пирамиду из кубиков льда». Поскольку величественный особняк-лабиринт в верхнем Джорджтауне теперь пустовал, дети начали бить в нем окна, вызывая тем самым гнев исторического сообщества. Так Роджер Ламберт попал в немилость.

Мы с Роджером гремели чуть ли не на весь Вашингтон. Наша парочка славилась приемами, которые мы давали в своем доме на Кэпитол-Хилл. Каждый месяц мы устраивали званый ужин, о гостях которого впоследствии писали в моем журнале. В гостиной прекрасно размещалось человек шестнадцать, поэтому участие в ежемесячных собраниях стало для знаменитостей весьма желанным событием. Мы с Роджером с осторожностью составляли список, смешивая художников с политиками, математиков с музыкантами. Раз в год мы устраивали ужин *только* для художников или политиков, но нам обоим нравилось соединять несоединимое и наблюдать за растущим напряжением. Приглашали гостей мы без всяких затей: один телефонный звонок – и люди слетались со всего мира, чтобы просто посидеть за нашим столом. Однако без казусов все равно не обходилось. Один известный фотограф, например, однажды отклонил приглашение, заявив, что мы с мужем «слишком буржуазны». Да, это отчасти правда, но ведь в этом вся соль! Еще был случай, когда из нашего дома пулей вылетел известный актер, потому

что мы усадили его рядом с ученым, который понятия не имел, кто он такой. К сожалению, на Мэриленд-авеню такси – редкое явление, поэтому ему пришлось провести целых десять минут на ледяном январском холоде, ожидая водителя из Нигерии, который тоже не имел представления, кто его пассажир.

Но все закончилось в конце января, когда Роджер пригласил меня на ужин в наш излюбленный вьетнамский ресторан на Коннектикут-авеню и объявил, что влюбился в Сару. По правде говоря, новость не стала для меня неожиданностью. Я подозревала об интрижке, но даже когда узнала наверняка, сперва не восприняла ее всерьез. Я отнеслась к этому как к очередной фазе отношений, которую нам предстояло пройти.

Тем не менее, как объяснил Роджер, любовь к Саре оказалась невероятно глубокой. Он и не подозревал, что можно так любить, пока Сара не заявила на порог его офиса. Я кивнула, точно послушная ученица за первой партой, и принялась черпать свой фо³. В тот момент на его лице застыло блаженное выражение, какого я не видела годами. Нет, беру свои слова обратно: таким Роджера я не видела *никогда*.

Мы познакомились с ним в Джорджтаунском университете. Он сидел рядом со мной на «Истории Америки с 1865 года». Этот курс никто не выбирал, поскольку преподаватель славился своим нежеланием выставлять хорошие отметки. Роджер, будучи старшекурсником, записывался поздно и был вынужден пойти туда, где оставались места. А для меня, как для специалиста в области политологии, этот курс был обязательным. Я, к слову, была одной из тех, кто все-таки умудрялся получать наивысшие баллы. В те дни у меня были рыжие, зачесанные в хвост волосы с челкой, как у Бетти Пейдж⁴; я носила очки в оправе формы «кошачий глаз»; моим спутником была толстая книга Роберта Каро «Путь к власти» – одна из нескольких, которые он написал о Линдоне Б. Джонсоне. Поначалу Роджер меня раздражал, потому что он никогда не готовился к занятиям. Однако он как-то почувствовал, что меня можно покорить политическими стратегиями. В ту осень он смошенничал на конкурсе красоты, уговорив большое количество студентов отдать за меня голоса. Это был настолько широкий жест, что, честно говоря, я оказалась польщена. В итоге мне досталось почетное второе место, а Роджер за свои усилия был вознагражден свиданием, которое продлилось целых десять лет.

Закрывая глаза, я все еще вижу нашу совместную жизнь: поздние торжественные ужины в *Au Pied de Cochon*⁵ на Висконсин-авеню; ужины в пиццерии на Френдшип-Хайтс, где мы обсуждали, в каком ресторане готовят наилучшую пиццу; покупку грандиозного особняка на Кэпитол-Хилл, который мы с трудом могли себе позволить; поездки в Шарлоттсвилль на джипе Роджера, слушая до износа песню *Babe rainbow* рок-группы *House of Love*; и, наконец, предложение руки и сердца среди руин Барбурвилля в антракте «Двенадцатой ночи» Шекспира.

Были в нашей супружеской жизни и плохие времена. Мы с Роджером несколько лет пытались зачать ребенка, однако все попытки оказались обречены на провал. Желание забеременеть превратилось для меня в навязчивую идею. Ежемесячно поставлявшийся «Кломид»⁶, по иронии, лежал в холодильнике рядом с яйцами. Наш брак длился пять замечательных лет и два не очень замечательных года.

Но галерея и Сара все изменили. Роджер объявил, что позвонил адвокату, чтобы ускорить бракоразводный процесс. Еще он добавил, что надеется на скорую встречу в суде (в течение тридцати дней), чтобы «окончательно уладить проблему». Я обняла на прощание мужа и вернулась в квартиру, где, свернувшись калачиком в постели, с примитивным энтузиазмом пожелала Саре бед. Или, может, смерти? Я не совсем уверена, о чем в тот момент думала.

³ Фо – блюдо вьетнамской кухни, суп с лапшой, в который при сервировке добавляют говядину или курятину, а иногда кусочки жареной рыбы или рыбные шарики.

⁴ Бетти Пейдж – американская фотомодель.

⁵ У пороссячьего копыта (с французского).

⁶ Препарат для лечения бесплодия.

Я не хотела «улаживать проблему» с Роджером. Я хотела его вернуть. Я хотела, чтобы боги сравняли счет. Однако теперь я поняла, что была слишком неаккуратна с желанием. Но разве есть в этом мире человек, который никогда бы не пожелал смерти другому? Конечно же, это было *не* всерьез.

Спустя две недели Роджер снова позвонил. До сих пор наши переговоры носили исключительно деловой характер, поэтому я предположила, что он звонит мне насчет даты суда, которого так жаждал.

– Завтрашняя встреча по поводу дома отменяется, – объявил он. – Джоанна умерла.

– О, мне так жаль, Роджер. – Я взяла паузу. – Подожди, разве среди наших знакомых есть Джоанна? Я не помню Джоанну.

– Мать Сары, Джоанна, – гаркнул он. – Мать Сары умерла.

Да, среди *наших* знакомых Джоанн действительно не было.

Когда вы расходитесь, то улавливаете малейшие детали, указывающие на выросшее между вами расстояние: переходы с утреннего кофе на масалу; новые футболки, которые вы никогда не стирали; новые имена. У Роджера появилась целая картотека имен, о которых я ничего не знала. Джоанна тому доказательство, и теперь, судя по всему, она умерла.

Я пока только училась жизни без Роджера. По моим наблюдениям, когда в отношении вклинивается еще одна сторона (такая как Сара), ваши друзья рассказывают о ней все до последней детали. Сомневаясь в постоянстве вашего супружеского положения, они свободно распространяют информацию: имена, места, марки автомобилей, время, когда они ее видели; бренды одежды и названия салонов, где она делает маникюр. Но затем так же внезапно поток информации прекращается. Те же самые друзья при упоминании о ней отводят взгляд и меняют тему разговора. Они принимают решение, что вам пора двигаться дальше, а укрытие деталей ускорит процесс исцеления. Вот только ты не излечиваешься, а лишь отдаляешься от всех. Пока Роджер рассказывал о Джоанне, я чувствовала себя совершенно одинокой.

На следующей неделе я столкнулась с Роджером возле офиса моего адвоката, куда он заехал, чтобы передать право собственности на машину. Меня поразил его внешний вид. Он выглядел так, будто лицо его пропустили через сырную терку, причем старую и ржавую. Руки были замотаны окровавленными бинтами. Роджер объяснил, что получил травмы, когда мыл окно в доме Сары. Как оказалось, стекло неожиданно разбилось. Все время, пока он шептал эту историю, он ни разу на меня не взглянул. Может, ему было больно? Или за годы брака он на меня уже насмотрелся? Этого я не знала, но легче все равно не становилось. В тот же день я позвонила нашему общему другу Микки и расспросила о произошедшем инциденте. За обедом в ресторане отеля «Хей-Адамс» Микк прояснил картину.

– Во-первых, – заговорщически начал Микки, – мать Сары погибла совершенно нелепым образом! Утонула в *четырёх* футах⁷ воды перед уроком акваэробики... В четырёх футах? Seriously? Кто тонет в четырёх футах? Ты ведь спокойно там стоишь! – Он пожал плечами. – Затем скорбящая Сара начинает намывать весь свой чертов дом, включая окна. Странно, да? – Микки закатил глаза. – Судя по всему, в ее новом особняке окна от пола до потолка.

– Конечно. Так и есть. – Я в свою очередь закатила глаза.

– Так вот, одно из тех сказочных окон разбилось прямо над ней и Роджером. Оно чуть их не прибило! – Микки драматически провел пальцем линию вдоль шеи, как будто я не осознавала всей серьезности ситуации. – Окна, похоже, нынче некачественные.

А затем он понизил голос и огорошил меня еще сильнее:

– Сара его выгнала. Она думает, что все произошедшее – это карма. Мечь свыше за их отношения.

⁷ ~122 см.

В тот раз я охотно согласилась с мнением Сары. Тем не менее, хотя справедливость и восторжествовала, я почему-то не могла избавиться от чувства вины. Сначала Джоанна, потом окно. Я, наверное, бредила? Или дело в завышенной самооценке? Ну не могла же я контролировать подобные вещи? Или могла?

А потом я встретила с *ним*, и он подтвердил мои подозрения.

Глава 3

Хелен Ламберт

Вашингтон, 24 мая 2012 года

Я собиралась ответить, но Люк поднял палец в знак возражения. Обернувшись, я увидела стоящего за спиной официанта.

– Бутылочку «Шато О-Брион», будьте так любезны, – заказал Люк на прекрасном французском.

Официант, записав заказ, поспешно удалился.

– Ты меня позвала, но вдруг отменила зов. Передумала. Хотя, если подумать, в этом нет ничего удивительного. Ты не мстительная особа. Никогда ею не была.

– Что, *черт* побери, ты несешь? – прошипела я.

Люк приподнял бровь.

– Серьезно, Рыжик? – Он протянул руку через маленький столик и убрал с моего глаза прядь волос, выпавшую из прически. – Кажется, я припоминаю, как ты, свернувшись калачиком на кровати, пожелала чего-то очень плохого. – Люк глубоко вздохнул. – Я надеялся, ты пожелаешь ему смерти, но ты промолчала. А я, кстати, был бы счастлив. На этот раз у нас кто? Роджер Ламберт? Боже, он еще больший засранец, чем Билли Рэпп. Ответь мне, Рыжик, почему всегда *он*? Неужели ты *ничего* не можешь с этим поделать?

– Ты о чем вообще? Кто такой Билли Рэпп?

Люк бросил на меня озадаченный взгляд.

– Неважно.

– Ты утопил мать Сары, – прохрипела я.

– Нет. – Он указал на меня пальцем. – Технически это сделала *ты*.

Люк заказал еду, и нам принесли жареный картофель с пармезаном и трюфелями. Он приступил к трапезе так беззаботно, будто мы болтали о группе, которую только что встретили в отеле «Рок-н-ролл», а не об убийстве женщины. Люк смолк, ожидая, когда уйдет официант.

– Серьезно, Хелен, давай будем соблюдать осторожность? – Он взял очередную картофельную палочку с серебряного подноса и указал ею на меня, прежде чем обмакнуть в майонез. – Ты была неаккуратна с желаниями. Ты пожелала... погоди-погоди... Как же ты сформулировала? – Он уставился в потолок. – Пусть на Сару обрушатся беды.

– Я сказала, что желаю ей *смерти*. – Словно обиженный ребенок, я схватила пару картофельных палочек и засунула их в рот. Я жевала медленно, надеясь продемонстрировать свое отвращение.

– Нет. – Люк покачал головой. – Ты этого *не* говорила. – Варнер сделал глоток воды. – Иначе она была бы мертва. Конец истории. Ты забыла? Мы должны быть конкретны с желаниями. – Люк пригрозил мне картофелиной.

– Я не желала ей смерти. – Я откинулась на спинку, самодовольно скрестив руки.

– Ладно, я повторю. Ты сказала: «Я хочу, чтобы на Сару обрушились беды». – Варнер вскинул ладони. – Беды означают все что угодно. Здесь игра слов не к месту, Рыжик. Ты на клеточном уровне обязана это понимать. – Он протянул руку, как будто хотел что-то мне преподнести. – Если ты просишь птицу, то можешь получить корнуэльскую курицу или индейку на День благодарения. Точность – ключ к успеху. – Варнер выразительно поднял палец, словно какой-то политик, а затем, как сумасшедший из малобюджетного фильма, сменил тему. – Мне нравится это место. – Лицо его просияло. – Оно напоминает о нас в 1938 году.

– Ты псих, – прошептала я в ответ.

Но он меня проигнорировал.

– Тогда тебя звали Норой. Нора Уилер.

Имя, слетевшее с его губ, потрясло меня как давно забытая песня. Песня, которая была погребена в недрах моей памяти, но которую я по-прежнему любила. Я, конечно, не призналась, но имя Нора Уилер показалось мне очень знакомым. У меня возникло странное желание поправить Варнера и сказать: «*Нет, не Нора. Норма. Норма Уилер*». Все это безумие как будто дразнило мой разум. Я решила дать Варнеру еще пять минут, а затем извиниться, удалиться в уборную и выскользнуть на улицу через заднюю дверь. С утра я обязательно позвоню Микки, чтобы обсудить это адское свидание.

Люк продолжал есть. Официант тем временем открыл вино, налил его в бокалы и поставил бутылку на стол.

– Могу я после ужина кое-что тебе показать? – Люк поднял бокал и осушил до дна. При этом он не суетился, не взбалтывал вино и не нюхал, будто не было в нем ничего такого, что могло бы удивить или порадовать.

Мы ели в тишине. Покончив с ужином, Люк попросил счет.

Выйдя из «Софителера», мы первым делом поймали такси, однако я остановилась, прежде чем занять свое место.

– Я поеду следом.

Швейцар все равно уже заказал машину.

– Встретимся на Мэйн-авеню. В «Ганновере», – согласился Люк, пожав плечами.

– Мне нельзя туда. Мой бывший муж...

– Роджер Ламберт... Ты думаешь, я не знаю? – Он покачал головой и уселся в такси. – Господи, Рыжик, иногда ты... – слышала я его бормотания.

А вот и он – мой шанс на побег. Сев в такси, я велела водителю направляться в мою квартиру на Ист-Кэпитол.

Но когда машина проезжала по Нью-Йорк-авеню мимо Национального музея женского искусства, любопытство все же взяло верх. Если честно, Люк взбудоражил мой интерес. Даже несмотря на его безумные речи, с ним было как-то... спокойно. После развода я словно затаила дыхание, а теперь, спустя год, наконец-то выдохнула. Склонившись к переднему сиденью, я попросила водителя изменить маршрут. Через несколько минут такси остановилось у входа в музей, где я увидела Люка, стоящего у стены с сигаретой во рту.

– А я уже начал сомневаться, что ты объявишься.

– У тебя пятнадцать минут, чтобы меня впечатлить, – предупредила я, скрестив руки.

Я ожидала, что при входе в галерею нас сразу развернут, но, к своему удивлению, ошиблась. Хотя музей уже закрылся для посетителей, Люк зашел через парадную дверь с уверенностью сотрудника – нет, с уверенностью *владельца!* Когда мы прошли через рамки, сотрудники галереи встретили Варнера с невероятным радушием.

– Добро пожаловать, мистер Варнер, – приветствовали они.

Происходящее меня изумило. Мы с Роджером никогда не приезжали сюда в нерабочее время, а теперь я стояла в холле и удивлялась, как, черт возьми, нас пустили в музей в столь поздний час?! Сотрудники службы безопасности не только не возражали, но были даже рады помочь.

Трехэтажное здание галереи с видом на воду занимало целый квартал. Обычно я терялась в этих помещениях и забредала в самые глубины залов с картинами фламандских художников. Однако Люку Варнеру карта не понадобилась: он пробирался по коридорам с присущей ему уверенностью, даже не оборачиваясь. И он знал, что я следую за ним.

– Ненавижу это место. – Я походила на ребенка на экскурсии. Я питала истинную ненависть к этому строению из стекла и мрамора.

– Почему? – Люк посмотрел на гладкие, недавно отполированные полы, которые громко скрипели под ботинками. Его голос эхом разнесся по залу.

Почему? Я задавалась этим вопросом тысячу раз. Думаю, в распаде нашего брака я винила галерею больше, чем Сару или проблемы бесплодия. Открытие музея и поддержание его на плаву на протяжении многих лет стали для нас с Роджером камнем преткновения. Я была против переноса галереи на новое место и призывала Роджера оставить коллекцию в первоначальном здании. Роджер, со своей стороны, считал старые залы слишком маленькими для демонстрации своих «шедевров». Он утверждал, что ему пора «отвергнуть ностальгию». Вскоре он стал одержим идеей большого чистого музея, просто грезил о диссонансе старых картин и нового выставочного пространства. Но когда понял, что я эту затею не одобряю, перестал разговаривать со мной о переезде и показывать чертежи. Сара, с другой стороны, посчитала переезд на Мэйн-авеню блестящей идеей. Ее имя стало все чаще вкрадываться в наши разговоры. Ей нравилась отведенная под строительство земля, план здания, мрамор. А вскоре она уже сопровождала *моего* мужа на суперважных церемониях вроде закладки первого камня или обхода стройки с каской на голове.

– Этот музей стоил мне брака, – крикнула я вслед Люку. – Он похож на женщину. – Я остановилась, обдумала собственное признание. – А там уже и настоящая женщина нагрянула.

– Держу пари, *настоящая* задела сильнее? – Варнер продолжал идти, петляя по комнатам.

– Вот кретин, – пробормотала я под нос, но поспешила за ним.

– Сделаю вид, что ничего не слышал, – отозвался Варнер.

Настоящей жемчужиной Роджера стала недавно завершенная инсталляция Огюста Маршана. Это была самая большая коллекция его картин в мире, включая родную страну художника – Францию. В те годы, когда мы познакомились, Роджер лихорадочно собирал его полотна. Он начал коллекцию со времен, когда работы Маршана хранились лишь в музеях второго уровня и их можно было купить за гроши. Роджер видел в рабской преданности Маршана обнаженной женщине нечто такое, чего я никогда не замечала. Его работы отличала почти фотографическая точность, но они были настолько отполированы, что лишались какой-либо сексуальности. Черт, мы стояли перед этими сияющими обнаженными нимфами тысячи раз, но я все равно находила стулья от *Eames* более привлекательными. Обнаженных нимф и женщин с фермы как будто вырезали из камня и перенесли прямо на холст, окутав приглушенными тонами красного, зеленого и синего. Когда импрессионисты, такие как Мане, Матисс и Дега, начали рисовать проституток и алкоголиков, впервые показав *настоящий* Париж, техника Маршана стала выглядеть еще более устаревшей. Один особенно суровый конкурент высказался, что картины Маршана «так же актуальны, как драпировки». Конечно, тот факт, что Маршан в последние годы жизни зарабатывал на жизнь созданием искусных салонов для богатых покровителей, выставил его в дурном свете среди современников. Будучи редким художником, который разбогател при жизни, Маршан не удостоился хвалебных од в учебниках по истории. И Роджер, пользуясь моментом, выкупил его работы за гроши.

Я всегда скептически относилась к ценности этих картин. Огромные массивные рамы напоминали дешевые произведения искусства в холлах отелей. Внизу, в запертном хранилище, покоились мольберты, краски и кисти Маршана – все, что было продано внучкой художника, очень нуждавшейся в деньгах. Роджер, в свою очередь, стал тем, кто при любой возможности терпеливо скупал и скупал все, что имело отношение к Маршану.

Люк внезапно остановился перед большой картиной от пола до потолка, которую я никогда раньше не замечала. С холста на нас смотрела девушка не старше шестнадцати с длинными каштановыми волосами. Она стояла на ступеньке. Волосы юной особы гармонировали с одеждой в темно-зеленых и коричневых тонах. Скорее всего, ткань была изношена и выцвела от частой стирки. Она стояла босиком, с раскинутыми руками, но гладкая кожа при этом сияла розовым оттенком, как у херувима. Картина выглядела настолько реалистично, что казалось, девушка вот-вот спустится из рамы прямо на мраморный пол. Модель с почти вывернутыми

наизнанку локтями выглядела немного несуразно. Я сразу заметила эту деталь, поскольку мои собственные руки ничем не отличались.

– Ну? – Люк стоял перед картиной, спрятав ладони в карманы. Хотя он изрядно сдобрил темно-русые волосы гелем, они все равно начали завиваться от Вашингтонской влажности.

– Мило. – Я скovyрнула с ногтя отслаивающийся лак.

Варнер рассмеялся и раздраженно закрыл лицо рукой.

– В самом деле? Это все, что ты скажешь об *этой* картине? – Люк повернулся, подошел к скамейке в центре зала и уселся на нее, словно обиженный подросток.

Пожав плечами, я взглянула на девушку на холсте.

– Тебе следует знать, что Огюст Маршан никогда не производил на меня особого впечатления. Этот художник – большое место в наших отношениях с Роджером.

Я повернулась к Люку с легким скрипом каблуков по мраморному полу. Этим вечером я была довольна своим нарядом – короткой черной юбкой и ботинками, – но теперь он казался странно чужеродным. Зато я почти ощущала мягкую потертую ткань, облекавшую девушку на картине, и мне хотелось закутаться в нее.

– О, как поэтично. *Маршан* не произвел на тебя впечатления. Я *целые жизни* ждал, чтобы услышать эти слова... – Он покачал головой и запустил пальцы в волосы, словно разочарованный в глупом ученике учитель. – Это *ты*. – Варнер указал на картину, как будто я была недалекого ума. – Разве ты не видишь?

Я хотела ответить что-то невероятно умное, но вместо этого склонила голову, посмотрела на картину и сказала:

– А?

Положив руки на бедра, я приблизилась к холсту и прочитала название: «Босоногая девочка, 1896 год». А затем наклонилась и сделала что-то очень странное – то, чего никогда раньше не делала и даже не знала, что умела. Я *взглянула на мазки*. Разглядела толщину краски и слои. Я хорошо понимала, как писалась картина. Затем я выпрямилась в недоумении и направилась к скамейке, чтобы сесть рядом с Люком. Склонившись к нему, я прошептала заговорщическим тоном:

– Она написана в тысяча восемьсот девяносто шестом году...

Люк встал. Обойдя меня, он поднял палец и вновь направился в мою сторону. Когда он склонился ко мне, наши глаза встретились. Я почувствовала запах вина и легкую нотку одеколона, которая приятно меня удивила.

– На самом деле она написана в тысяча восемьсот девяносто пятом. Табличка врет. Сосредоточься, Рыжик. Посмотри на нее! Посмотри внимательно! Постарайся вспомнить!

Я уставилась на девушку, которая тоже не сводила с меня глаз. Ее волосы были собраны в простой хвост; выбившиеся пряди обрамляли ее лицо. Она напомнила мне саму себя в тринадцать лет, еще до подтяжек, операции по исправлению сломанного носа и яркого медного цвета волос, который заменил мой естественный каштановый оттенок. Волосы девушки были пышными, непослушными. Глядя на нее, я думала, что приложила много усилий, чтобы *не* выглядеть как она. В глазах девочки застыла печаль.

– Такое ощущение, что ей грустно.

– Тебе и правда было грустно. – Люк, похоже, смирился с тем, что я ему не верила.

Я встала, поправила юбку. Мне хотелось чем-то занять свои руки, поэтому я принялась снимать с одежды воображаемый пух.

– Свидание вышло очень интересным, мистер Варнер. Правда.

Я улыбнулась и, цокая каблуками, направилась прочь из зала и музея. Люк Варнер за мной не последовал.

Когда я вернулась в квартиру, то поняла, что кое-что из его слов засело в душе. Нет, я не могла утверждать, что поверила ему, но... Он знал о матери Сары и Роджере, и это не могло

меня не встревожить. Да, он мог получить информацию от Микки, но я сомневалась в этом. Люк Варнер слишком хорошо знал мои мысли.

В ту ночь я уснула быстро. Мне снилась Франция: поля и деревушки, подсолнухи и каменные дома, колодцы с ведрами и холодные известняковые полы, и все в оттенках желто-зеленого, которые я едва ли видела наяву. Мне снились темная зелень лесов, серебристые синезеленые тени кустов, насыщенная зелень летней травы.

Трава выглядела настолько реальной, что, казалось, я могла до нее дотронуться.

Глава 4

Джульетта ЛаКомпт

Шаллан, Франция, 1895 год

Июньское утро выдалось на удивление теплым. Джульетта ступила на каменное крыльцо, ожидая почувствовать прохладу, но тут же юркнула обратно в кухню, спасаясь от обжигающей жары. Мать с хмурым видом подняла глаза и спустя мгновение снова вернулась к мытью кастрюли.

– Ступай за водой, да побыстрее!

Джульетта вновь шагнула на крыльцо, и вторая попытка далась легче. Взглянув на мать, она поспешно сбежала с плоских ступеней на шелестящую под ногами влажную траву. Капли вчерашнего дождя по-прежнему цеплялись за травяной покров.

Крепко держа в руках ведро, Джульетта помчалась к колодцу.

Дорога проходила мимо дома месье Маршана. Остановившись перед высокой каменной стеной, Джульетта поднялась на цыпочки. Хотя в этом году она заметно подросла, заглянуть через забор пока не получалось. Покосившись на ведро, Джульетта перевернула его и встала ногами на дно, чтобы лучше рассмотреть чужие владения. Дверь была открыта, и белый занавес колыхался на ветру, открывая путь в небольшой садик. Слухи оказались правдой. Маршан вернулся.

– Боже мой, девочка, ты же упадешь и убьешься. Если хочешь зайти, просто пройди через ворота.

Изумленная Джульетта, потеряв равновесие, упала с оловянного ведра.

– Простите, месье. – Она опустила глаза, глядя на свои ступни, так изумительно нарисованные Маршаном в прошлом году. Вновь взглянув на мужчину, Джульетта поняла, что он тоже смотрит на нее.

– Боже... Ты выросла с прошлого лета.

Джульетта спешно наклонилась, схватила ведро, чтобы убежать. Она не понимала, почему чувствует себя настолько чужой рядом с человеком, который рисовал ее десятки раз. Маршан был в белоснежной рубашке и простых коричневых брюках. Джульетта предполагала, что это его деревенский наряд, не одежда, в которой он блистал в салонах Парижа.

Джульетта снова поймала на себе его изучающий взгляд.

– Мне стало любопытно, месье...

Она подняла глаза. За зиму он отрастил бороду, которая почти полностью поседела. Волосы цвета невозделанного поля, что простиралось за каменной стеной, начали сесть на висках и рассыпались вокруг его лица, будто художник забыл подстричься или расчесаться.

– Я лишь хотела поздороваться.

– Заходи завтра утром, юная Джульетта. Скажи матери, что я заплачу за твои услуги.

Когда Маршан развернулся и направился к воротам, Джульетта заметила трубку: художник вытащил ее из карманов брюк и начал набивать табаком. Бросив взгляд на свое грязное хлопковое платье, она поняла, насколько жалко должна выглядеть в его глазах. Подол измазался после погони за цыплятами, а округлившаяся грудь с ребячливым бесстыдством выступала из-за тонкой хлопчатобумажной ткани. Но Джульетта больше не была ребенком – ей вот-вот должно было исполниться шестнадцать лет.

Джульетта наблюдала, как Маршан, попыхивая трубкой, свернул за угол и открыл ворота, ни разу не взглянув в ее сторону.

Схватив ведро, Джульетта побежала по мягкому зеленому холму к колодцу и быстрыми движениями принялась накачивать воду. Ей потребовались годы, чтобы научиться работать с

помпой, не прикладывая вес всего тела. Вода в колодце была прозрачной, отчего Джульетта решила, что один из слуг Бюссонов приезжал ранее и слил застоявшуюся. Она вымыла ведро, а затем, убедившись, что в нем нет грязи, наполнила его до самого верха. Каждое утро Джульетте приходилось одной ходить к колодцу. Ее девятилетняя сестра Дельфина пока что не могла носить тяжелые ведра. Металлические ручки врезались в руки, поэтому Джульетта быстро взбиралась на холм, попеременно перекладывая ношу из левой руки в правую.

Она сумела пройти целых 102 шага, прежде чем остановилась и сменила руку (раньше у нее получалось сделать всего 54). Остановившись перед воротами Маршанов, она поправила ведро и заглянула в сад. Художника Джульетта не увидела, но зато заметила на крыльце мадам Маршан в синем хлопковом платье, скрывавшем большой живот. Она ждала ребенка.

Джульетта вновь схватилась за ручку и поспешила по дороге к дому; там девушка осторожно поставила ведро на стол, гордясь, что не пролила ни капли. Смахнув с глаз длинные каштановые пряди, липнувшие к вспотевшему лбу, Джульетта обдумала свои следующие слова.

Мать тем временем резала морковь и лук-порей.

– Месье Маршан вернулся.

– Я слышала. – Хмурясь, мать отбросила предплечьем темные волосы.

Когда-то, подумала Джульетта, ее мать наверняка была очень красивой женщиной, но трое живых детей и один погибший сделали свое дело. Голубые глаза ее обрамляли темные круги – следы бессонных ночей; одежда свисала с исхудавшего тела. Джульетта удивилась, увидев мать дома. Обычно она ухаживала за большим садом, в котором в основном росли травы – розмарин, лаванда, базилик. Однако были и другие, более экзотические растения: акация, женьшень, гибискус, девясил и полынь. Хотя загорелые пальцы матери едва не стерлись от постоянного мытья и уборки, в ее облике присутствовала утонченная элегантность, намекавшая на другое время и положение. И хотя Джульетта не застала этого времени, она представляла, что раньше мама держалась как прима-балерина. У ее родителей была предыстория, которая теперь рассказывалась только взглядами и шепотом.

Днем мать Джульетты прогуливалась по саду, приглядывая за растениями куда внимательнее обычного фермера. Пока отец изучал кукурузный урожай на предмет обычных проблем, вроде недостатка воды или признаков заражения, мать осматривала побеги с участливой осторожностью лекаря. Две недели мать сушила травы, после чего убирала их. Некоторые из трав она продавала в виде пасты или масла городской аптеке. Женщины частенько заходили вечерами в дом ЛаКомптов, тихонько стуча в большую деревянную дверь.

Во время визитов, которые обычно случались в полнолуние, мать Джульетты отправляла Джульетту и Дельфину наверх. Однако девочки тихонько садились на лестнице и наблюдали, как мать провожала посетителя на кухню, доставала различные пузырьки с сушеными травами и маслами, разговаривая приглушенным голосом. Истории всегда повторялись: старуха, больная горем из-за гулящего мужа; злая женщина; испорченный урожай. Более молодые беспокоились из-за кровотечений – или их отсутствия, в зависимости от обстоятельств. Во время ночных визитов всегда царил волнение, тела пахли потом и кровью, а ногти и ноги становились грязными. Мать Джульетты знала, какая настойка поможет исправить положение этих сломленных женщин.

Когда они ходили в город, Джульетта замечала, как женщины кивали матери в знак уважения или дарили корзины с овощами. Джульетта видела, как женщина, знакомая ей по вечернему визиту, преподнесла маме завернутого в бумагу кролика. Ферма не приносила большой прибыли, и Джульетта прекрасно осознавала, что ночная магия матери кормит семью, особенно в зимний сезон. В то же время подобные дела всегда оставались рискованными. В Шаллане были места, куда мать никогда не ходила за покупками. Джульетта не раз слышала, как

матери вслед выкрикивали «*la sorcière!*»⁸. Джульетта не понимала, чем так опасны травы, но слышала о других *sorcières*, которых обвиняли в «убийстве». Обычно это происходило в тех случаях, когда заклинания не помогали излечить болезни. Тогда обвиняемых вытаскивали на улицу, привязывали к столбу и сжигали.

Однажды Джульетта подслушала, как отец лихорадочным голосом рассказывал матери о юной ведьме, которую приговорили сидеть обнаженной на горячих углях до тех пор, пока горожане не убедятся, что она не «прелюбодействует с дьяволом».

Ввиду непростого финансового положения Джульетта знала, что делать дальше.

– Маршан обещал снова заплатить, если я буду ему позировать.

– Правда? – Мать вытерла руки о фартук.

– Велел приходить завтра утром. – Джульетта подошла и собрала кусочки моркови и лука-порея, надеясь оказаться полезной.

– Сомневаюсь, что девушка твоего возраста уместна для позирования. Одно дело – ребенок, но сейчас... Не думаю, что это правильно. Бюссоны подумают нелестное.

От одной этой мысли Джульетта вздрогнула. Зимой мать и отец Джульетты остановили выбор на старшем мальчике Бюссонов, Мишеле. Мальчик семнадцати лет был худым, бледным, с рыжими волосами. Джульетта не могла представить худшей пары, однако *его* родители владели землей, которую возделывали родители Джульетты. Тот факт, что Бюссоны *рассматривали* кандидатуру Джульетты, сам по себе стал неожиданностью, учитывая более низкий статус ЛаКомптов. Джульетта, вероятно, скривилась, потому что мать схватила ее за подбородок и обратила на нее хмурый взгляд. Мамины руки были теплыми и влажными.

– Это неправильно. В следующем году ты выходишь замуж за Мишеля Бюссона, – строго заметила она. – Лучше помоги мне вымыть картошку, которую ночью принес твой отец.

Джульетта взглянула на собранную у окна груды картофеля. Она направилась к овощам и, проходя мимо открытой двери, почувствовала, как ветерок коснулся ее ног и уцепился за подол платья. Джульетта схватила кухонную тряпку, налила воды из ведра в таз поменьше и принялась стирать грязь с картофеля. Она оглянулась на мать, чье зеленое платье измазалось во время работы в саду. В тот миг Джульетте вспомнилась мадам Маршан и ее чистое голубое платье.

– Ты когда-нибудь бывала в Париже? – Краем глаза Джульетта заметила, что мать побледнела от этих слов.

– Что за странный вопрос?

– Почему странный?

Джульетта обратила внимание, как изменилось лицо матери при упоминании Парижа. Девушку все больше и больше занимали мысли о городской жизни. Да, ей нравились тихая жизнь и ощущение земли и травы между голыми пальцами, однако она стала чувствовать, что ей чего-то не хватает. Ей казалось, что она заслуживает большего, чем долговязый Мишель Бюссон и жизнь, растроченная на таскание воды из колодца. Мать никогда не рассказывала о своем прошлом – о том, что было до встречи с отцом. И хотя Джульетта знала всех родственников со стороны отца – бабушку, которая была еще жива, дядю и двоюродных братьев, – она ничего не знала о семье по материнской линии, живой или мертвой. Как будто мать вышла из ракушки, словно героиня картины, которую Маршан рисовал прошлым летом.

– Когда-то давно я жила в Париже. – Мать собрала лук и начала резать широкими кусочками.

– Ты никогда не рассказывала. – Джульетта не ожидала полученного ответа. – Тебе там нравилось?

⁸ Колдунья (с французского).

– Нет, не очень. Париж – суровое место. Тебе не понравится, уж поверь на слово. Мишель Бюссон унаследует ферму отца, и у вас будет хорошая, безопасная жизнь. Вы никогда не будете беспокоиться о пропитании и крыше над головой. Париж – тяжелое место, и там полно обманщиков и шарлатанов. Этот художник... – Мать покачала головой. – Выброси из головы эти мысли, Джульетта. Ничего хорошего из этого не выйдет.

– Но я *не хочу* безопасной жизни. Я хочу в Париж.

Джульетта по-прежнему орудовала тряпкой, пытаясь отмыть кастрюлю и осмыслить все, что узнала от матери. Внезапно в дверь постучали. Обернувшись, Джульетта увидела на пороге Огюста Маршана. По этому случаю он надел коричневый пиджак.

– Это потому, что ты никогда не знала ничего, *кроме* безопасности. Ты не представляешь, что такое страдания. – Мать собиралась что-то добавить, но, подняв глаза, увидела в дверях Маршана. Она не казалась удивленной.

– Месье Маршан. – Она устало подошла к двери, вытерла руки о юбку и скрестила их на груди. – Мой муж в поле, если вам нужна помощь. Он должен вернуться к закату.

Бледных и дрожащих соседак, которые приходили к ней в плащах посреди ночи и будили всю семью, мать принимала с большим гостеприимством, чем месье Маршана сейчас.

– Позвольте войти? – Маршан замешкался на мгновение, но, не дождавшись ответа, все-таки зашел в кухню. – Ах, юная Джульетта.

Джульетта заметила, как мать нахмурилась за его спиной.

– Мне пришло в голову, что утром я не был учтив с юной Джульеттой. – Он бросил взгляд на овощи на столе, затем – на двух молчавших женщин. – Я попросил вашу дочь зайти завтра утром, чтобы помочь мне с картиной. Боюсь, с моей стороны было грубо не прийти и не поговорить с *вами* напрямую. Совершенно неприемлемо.

Маршан всегда оживленно жестикулировал во время разговора; заметив пятна краски на его пальцах и ногтях, Джульетта с улыбкой повернулась к нему.

– Я рада, что вы зашли, месье Маршан, и мы восхищены работой, которую вы проделали прошлым летом с нашей Джульеттой.

– У вас, конечно, осталась картина?

– Да. – Мать Джульетты казалась слегка рассеянной.

Маршан склонился к женщине, словно ожидая отказа, но мать перебила его в ту же секунду, когда он намеревался заговорить:

– Джульетта в следующем году выходит замуж, и я беспокоюсь, как к этой работе отнесется семья мальчика. Вы, конечно, понимаете, что я имею в виду?

– Прекрасно понимаю, миссис ЛаКомпт. Я понимаю, как это будет выглядеть... для *семьи мальчика*. – Он приложил пальцы к подбородку и погладил бороду. – Понимаете, моя новая серия картин посвящена детям. Маленьким детям. Я помню, что прошлым летом у вас как раз был маленький ребенок. Младенец. – Он ждал ответа матери.

– Да. Сын. Марсель. Ему будет три года.

Джульетта почувствовала, как вся ее радость ускользает. Месье Маршан пришел вовсе не за *ней*. Это шоу он устроил ради Марселя. Джульетта изумилась разочарованию, захлестнувшему ее от этой мысли.

– Великолепно. – Маршан сунул руки в карманы. – Новая картина, о которой я думаю, – это женщина с маленьким ребенком. Конечно, я заплачу вам за беспокойство обоих ваших детей. Допустим, вдвое больше прошлогодней цены за один сеанс.

Мать, казалось, потеряла дар речи от его предложения.

– Кроме того, время, проведенное с вашей дочерью и маленьким сыном, не будет рассматриваться как что-то *неуместное*.

– Я... мне, конечно, придется спросить разрешения мужа.

С прошлого года Джульетта знала, что за один день позирования она зарабатывала больше, чем семья за неделю трудов в поле. Цена за нее и Марсея будет слишком высокой, чтобы отец смог отказаться. По крайней мере, она на это надеялась. Маршан, слегка поклонившись, вышел на крыльцо. Джульетта начала говорить, но мать тотчас подняла руку:

– Молчи. Твое мнение меня не интересует.

– Но это сто золотых франков за каждый сеанс! Это больше, чем вы зарабатываете на рынке за день!

– Мне известно, сколько господин Маршан предлагал в прошлом году.

– Кто знает, быть может, картина с моим изображением висит на стенах одного из парижских салонов.

Мать Джульетты как будто поразила эта мысль.

– Я не хочу, чтобы ты позировала. Я не допущу, чтобы тебя считали... – Она умолкла.

– Кем?

– *Шлюхой* художника, Джульетта. – Положив руки на стол, она опустила глаза. – Ты еще юна, но раз уж ты скоро выходишь замуж, то пришло время кое-что узнать. – Мать вернулась к моркови, бросая нарезанные овощи в пустую кастрюлю. Вздохнув, она посмотрела в окно. – Ты понятия не имеешь. Ты даже не представляешь, чем это может обернуться для всех нас.

Глава 5

Хелен Ламберт

Вашингтон, 25 мая 2012 года

Я проснулась с чувством удовлетворения, как будто всю ночь занималась сексом. Может, все это было осознанным сновидением? Я слышала о таких вещах, но на себе никогда не испытывала.

Я огляделась, рассматривая детали своей спальни. Все вокруг – от толстого пухового одеяла до сотового телефона у моей кровати – убеждало в том, что я по-прежнему находилась в 2012 году. Однако появилось ощущение, как будто кто-то поднял занавес, чтобы показать мне другое время. И Джульетта... Она была именно *той* девочкой с картины Огюста Маршана «Босоногая девочка». Конечно, я видела сон, но он слишком походил на поток воспоминаний. Я не просто наблюдала за Джульеттой; в моей голове вспыхнули самые ранние ее воспоминания. Я знала, как больно ей было, когда она упала на камень в пятилетнем возрасте и разбила коленку. Я ощущала перекинутую через дуб веревку, когда она качалась на качелях во дворе. В этом сне я *превратилась* в Джульетту, и даже сейчас мысль о Маршане в соседнем доме учащала мой пульс.

Услышав гудок машины на Ист-Кэпитол, я вдруг пришла в себя и поняла, что все это положительно невозможно.

Я встретила с Микки в джорджтаунском «Старбаксе» на М-стрит. Микки был редактором «В кадре» и отвечал за раздел про дома и образ жизни.

– Отпадно выглядишь! – воскликнул он. – Итак... Люк Варнер... разве он не великолепен в той унылой манере, которую ты так любишь в мужчинах? Это как если бы Стив Маккуин⁹ превратился из гонщика в бухгалтера!

Микки в настоящее время встречался с двойником Дуэйна Джонсона, или Скалы, как его еще называют. До Скалы он встречался с Бенисио Дель Торо. Не то чтобы я видела *сходство* между двойниками и знаменитостями (обычно двойники выглядели толще, ниже ростом или старше своих кинематографических версий), однако Микки был убежден в их идентичности. После того как секс переставал доставлять ему удовольствие, он кидался как в омут с головой в новые отношения. В прошлом году он переключился на двойника Барышникова, Питера О'Тула в роли Лоуренса Аравийского, а затем – на молодого Роджера Мура.

– Я рано легла спать. – Я не смотрела на Микки, пока наливала сливки в кофе, придавая напитку бледно-карамельный цвет.

Микки встал рядом со мной у кофейного аппарата.

– О, – удрученно произнес он. – Он тебе не понравился?

– Он *интересный*. – Я отпила кофе. Напиток был настолько горячий, что пока я держала его в руках скорее в качестве реквизита.

– Оу. Определение «интересный» никогда не сулит ничего хорошего. – Микки покачал головой, колыхнув темными, чуть удлиненными волосами.

– Где ты с ним познакомился? И откуда у него деньги?

– Он в городе новенький. Только что купил дом недалеко от Фоксхолла. Судя по слухам, дом потрясающий. Мы познакомились на открытии галереи, и я предложил ему твою компанию. – Микки усмехнулся. – Я подумал, что, если он и окажется не в твоём вкусе, ты сможешь

⁹ Американский киноактер, авто- и мотогощик. Самые известные работы – «Афера Томаса Крауна», «Великолепная семерка», «Большой побег».

по крайней мере получить от него хорошую историю для журнала. Он торгует произведениями искусства, отсюда и состояние.

– Ты не говорил с ним о смерти матери Сары и прочих событиях?

Микки выглядел озадаченным.

– Что? Зачем мне говорить об этом с ним?

– Верно, причин нет, – согласилась я.

И тогда я заметила синий галстук Микки. Я протянула руку и потянула его к себе.

– Это *очень* яркий синий галстук.

– Знаю. – Он покраснел. – Это *Hermès*. – Микки вытащил галстук из моих рук, точно леску, и поправил на груди. – Руки прочь, чудачка. Ты видела этот галстук миллион раз.

– Разве? – Я заметила, что среди оттенков присутствовали нотки василькового и соломенно-желтого. – До этого момента не обращала внимания.

– Что с тобой? – Бросив на меня озадаченный взгляд, Микки открыл дверь на улицу. – Ты под *кайфом*? Если так, почему не делишься?

– Я не под кайфом.

Пока мы шли по Висконсин-авеню, я не могла перестать поглядывать на галстук. Он был таким ярким. И не только он. Все зеленые деревья на набережной Джорджтауна казались мне свеженарисованными. Даже река Потомак, которая после недавних штормов напоминала гигантскую грязевую лужу, изливалась нежно-голубым цветом. Я словно пребывала под действием кислоты. Вообще я не из тех, кто замечает деревья или цвета. Большую часть времени я хожу по улице, не выпуская из рук свой *iPhone*. Вот только сейчас все изменилось. Все вокруг как будто вернулось в цветовую гамму 1960-х.

Проходя через стеклянные двери офиса «В кадре» на шестом этаже, я уставилась на темно-зеленые листья гортензий, что пестрели яркими пятнышками в нашей приемной. Моя ассистентка Шарлин, заметив столь пристальное внимание к листьям, громко откашлялась; Микки, пожав плечами, пошел дальше по коридору.

– *Странно*, – вслух заметила я, глядя на цветочную композицию.

– Вас ждут в конференц-зале, чтобы выбрать фотографию для обложки. – Шарлин стояла, плотно прижав рукава чудесного зеленого кардигана к довольно тусклому свободному платью. Как и любой хороший помощник, Шарлин меня презирала и была абсолютно уверена, что сможет лучше управлять компанией, если я уйду с дороги и отдам ей бразды правления. – И, – она сверилась с блокнотом в руке, – Вирджиния Сэмсон ждет вашего звонка. Это срочно.

Я знала, что выберу для обложки Южный остров в Новой Зеландии, который шел вместе со статьей «Лучшие автомобильные поездки мира», так что собрание могло подождать. Но вот звонок от Вирджинии Сэмсон показался мне странным явлением. Занимая пост директора по связям с общественностью чуть ли не дольше всех в штате, Вирджиния в настоящее время работала на Эйсу Хиткоута, харизматичного старшего сенатора из Флориды и бывшего профессионального игрока в гольф, который, если верить журналистам, входил в короткий список кандидатов на пост вице-президента. Я набрала номер, и она сразу взяла трубку.

– Окажи мне услугу, – Вирджиния с ходу перешла к делу. Легкий огайский акцент никуда не исчез даже спустя двадцать пять лет жизни в Вашингтоне.

Когда я была директором по связям с общественностью известного младшего сенатора-демократа из Северной Каролины, Флетчера «Франца» Бишопы, наши руководители вместе спонсировали несколько законопроектов. Вирджиния всему меня научила и очень любила напоминать, что я ей обязана.

Забыв, что разговаривает не со своим штабом, она отчеканила просьбу, словно сержант по строевой подготовке. Я убрала телефон подальше от уха.

– Можешь сегодня утром взять интервью у сенатора? Пусть покажет, как замахиваться клюшкой для гольфа или готовить барбекю – два занятия, которые он любит больше всего.

Легкие закуски приветствуются, но, пожалуйста, без алкоголя! Электорат плохо воспринимает алкоголь. У вас есть съёмочная группа? Мне нужно видео.

– Вирджиния, сейчас только девять часов утра. – Я отпила кофе, решив подыграть. – Ты хочешь, чтобы мы барбекю готовили?

Пока она говорила, я воспользовалась возможностью, чтобы сесть в кресло и набрать в Google «Люк Варнер».

– Ради всего святого, никто и не должен знать, что сейчас утро! В вашем офисе есть потрясающий балкон. Хиткоут может приготовить жалкое свиное ребро. А еще я помню, что ты не умеешь бить по мячу!

– У нас не какое-то дерьмовое утреннее телешоу, Вирджиния!

– Да, но и не «Нью-Йорк таймс», Хелен. Просто разогрей его. У тебя это хорошо получается... Пожалуйста.

Хотя большинство людей за пределами Вашингтона думают, что демократы и республиканцы находятся в состоянии войны, это никак не относится к штатным сотрудникам. Всегда ценно иметь друга или двух по другую сторону.

Я вздохнула. Я была у нее в долгу, и ничего с этим не поделать.

– Что ж, раскрывай карты. – Мне нравилось с ней играть. Хотя в последний раз мы сотрудничали давно, я поняла, что она что-то скрывает. – Кому еще ты звонила?

Вирджиния вздохнула.

– После вас у него по графику «Национальный журнал». Затем – «Вашингтон пост». Обед состоится в «Монокле» с «Ролл Колл». Довольна?

Это было красноречиво. Для кандидата в президенты или вице-президенты, или даже для любого, кто намеревается баллотироваться, это обычное дело – провести серию медиаторов по городу. «Вашингтон пост», «Ролл Колл» и «Национальный журнал» были типичным выбором СМИ, и директора по связям с общественностью тщательно планировали интервью, которые зачастую завершались обедом. Обеды чаще всего проводились у «Чарли Палмера» или в «БЛТ», где начинающего кандидата могли заметить. Подобные мероприятия были хорошей тренировочной площадкой для высокопоставленных национальных СМИ, поскольку кандидат конкретизировал свои ключевые политические позиции. В следующем интервью Хиткоута, которое состоится в уотергейтском офисе «Национального журнала», он, вероятно, прояснит свою позицию относительно налогов, контроля за оружием и абортов. Звонок от Вирджинии стал самым убедительным доказательством, что Хиткоут победит. И Вирджиния знала, что я это понимаю.

– Ладно, – согласилась я. – Пусть будет гольф. Он все еще пьет диетическую колу?

– Диетический «Доктор Пеппер» в стеклянной бутылке, – рассеянно ответила она. – Я возьму с собой несколько бутылок на случай, если их нет в холодильнике. Мы будем через тридцать минут. И мне нужно *хорошее* видео, Хелен.

– Интересно, зачем?

Она повесила трубку, даже не слушая. С минуту я смотрела на телефон, а затем набрала Шарлин.

– Мне нужен набор клюшек для гольфа. У тебя полчаса. Либо клюшки, либо свинина.

– У меня в машине есть клюшки, – сказала она. – Вам зачем?

– Хиткоут придет давать интервью, после чего научит нас готовить барбекю или бить по мячу для гольфа.

– У нас на крыше, кстати, есть лужайка для гольфа.

– В самом деле?

Она громко вздохнула: мой вопрос только подтвердил, что я понятия не имею, что происходит в офисе. Я снова обратила взгляд на экран компьютера. Мой поиск в интернете увенчался несколькими интересными ссылками о галерее Люка Варнера на улице Кит Карсон в

Таосе, Нью-Мексико. Тем не менее я решила подождать и для начала выполнить более неотложное задание.

Поразительный мужчина и знаменитость среднего уровня, второй женой которого была бывшая модель *Victoria's Secret*, Эйса Хиткоут происходил из Джексонвилла, из скромной семьи. Нынче он был известен как умеренный республиканец, который иногда становится на сторону столь же умеренных демократов. Поскольку ожидалось, что республиканская партия вот-вот победит на всеобщих выборах, способность Хиткоута менять партии не могла не вызвать любопытства. На этой неделе слухи вокруг того, кого он на этот раз поддержит, достигли пика: все новостные программы и различного рода эксперты делали прогнозы относительно следующего кандидата в вице-президенты. Когда его спросили напрямую, Хиткоут начал скромничать, утверждая, что заинтересован в подобной должности, но, конечно, обязанности в Сенате остаются его главным приоритетом.

За годы на посту директора по связям с общественностью я поняла, что подобный ответ является кодовой фразой: «*Прошу, дайте мне эту работу!*» Хиткоут никогда бы не признался, что ему предложили должность, пока не наступил бы подходящий момент – как можно ближе к республиканскому национальному съезду в Тампе. А поскольку Хиткоут родом из Флориды, это было идеальным местом. Пресс-конференция должна была подогреть интерес к его персоне, чтобы после успешных выборов национальные СМИ разрекламировали наши тщательно продуманные статьи о его жизни.

И вот тут-то «В кадре» и внесет свою лепту. Я не питала иллюзий по поводу своего места в списке СМИ. Интервью с сенатором появится у нас рядом со статьей о лучших барах округа. Интервью для «В кадре» было первым, а значит – разминкой. Предполагалось, что я расскажу о Хиткоуте как о человеке. «Легкая закуска», как сказала бы Вирджиния. Тур сенатора продолжится по всему городу, и я понимала, что репортеры станут закатывать глаза при упоминании моего журнала. «В кадре» по сей день не обходится без критиков, которые считают, что мы пишем «полную чушь», а Вирджиния рассчитывает, что я буду задавать пустяковые вопросы... Этот факт поистине выводил меня из себя. Я вдруг представила, как начну задавать вопросы, которых, как я знала, Вирджиния хотела бы избежать. Почти как современный Уолтер Митти¹⁰.

Громкие голоса и натужный смех означали, что сенатор Хиткоут прибыл в редакцию. Я увидела, как в конференц-зал, словно по сигналу, неспешно зашла сенаторская свита во главе с Шарлин. Помещение тщательно подготовили к визиту, включая охлажденную диетическую содовую «Доктор Пеппер», добытую посредством экстренного похода в магазин. Заметив меня, Вирджиния помахала рукой – крепкая женщина, одетая в бежевый костюм, на каблуках высотой в дюйм¹¹. Сидящие на белокурой голове очки, крепко сжатые челюсти и гигантская пластиковая папка, которую Вирджиния сжимала под мышкой, придавали ей поистине напряженный вид.

Хиткоут имел репутацию человека, которого слишком сильно «обрабатывают» члены команды. Если вы проведете время со многими конгрессменами, то обнаружите, что некоторые из самых известных членов конгресса весьма неприятны. Они ездят на метро или поезде, держа под мышкой последний выпуск «Вашингтон пост». Мне частенько доводилось встречать спикера палаты, сидящего в одиночестве в комнате отдыха за чашкой кофе *7-Eleven*¹², приехавшего на очередное мероприятие заранее на «Тойоте Камри» 2001 года выпуска. Эйса Хиткоут к таким сенаторам не относился. Его сотрудники вели себя так, будто Хиткоут был предназначен для чего-то большего, и они хотели указать ему правильный путь. СМИ полу-

¹⁰ Ссылка на героя фильма «Невероятная жизнь Уолтера Митти», скромного журнального клерка, который однажды пускается в невероятное приключение.

¹¹ ~2,5 см.

¹² Оператор крупнейшей сети небольших магазинов.

чили строгие инструкции по закрытым и открытым темам для разговора. Нарушение любого из правил, изложенных Вирджинией или главой штаба сенатора, означало, что вам больше никогда не дадут интервью.

Поправив платье, я направилась по коридору в конференц-зал. В свои шестьдесят (или около того) Хиткоут оставался красив и очарователен. Лицо его покрывал загар, оттененный гривой густых серебристых волос. Он был одним из тех мужчин, которые во время рукопожатия сжимали вашу руку второй рукой – фальшивый жест, который я ненавидела.

– Доброе утро, сенатор. – Когда я протянула руку, его ладони тотчас сомкнулись; это походило на отрепетированный бродвейский танцевальный номер.

– Хелен Ламберт, – улыбнулся он. – Прекрасно выглядите. Вирджиния говорила, что вы здесь всем заправляете.

– Так и есть, сенатор.

Хиткоут огляделся.

– Барбекю не будет?

– Сожалею. – Я пожала плечами. – У нас нет гриля. Пожарная безопасность, сами понимаете. Мы начнем с нескольких вопросов, а затем отправимся на крышу, где пройдет небольшой мастер-класс по игре в гольф.

Хиткоут взглянул на мое свободное кремовое платье от Нарцисо Родригеса и лабутены цвета слоновой кости. До костюма для гольфа мой наряд явно недотягивал.

– Эм... Хорошо, – протянул он.

Я бросила взгляд на Вирджинию, недовольная тем, что она поставила меня в столь неловкое положение.

Словно по сигналу, Шарлин указала на дверь и лестницу, ведущую к просторному балкону. В тот момент моя ассистентка напоминала модель из игрового телешоу.

– У нас на крыше отличная новая площадка, – щебетала она.

Клифф, политический репортер, который прибыл освещать интервью, за спиной сенатора закатил глаза.

– Превосходно, – отозвался Хиткоут. – Кстати, Хелен, на прошлых выходных я играл в гольф с Бишопом.

– И как? Он победил? – поддразнила я, зная ответ. Хиткоут был лучшим игроком в гольф в Вашингтоне.

– Почти, – усмехнулся он. – Его короткие удары все еще оставляют желать лучшего.

Это был не просто комментарий об игре Бишопы в гольф, и мы оба это знали. Моему бывшему начальнику на следующих выборах грозил серьезный соперник, и хотя на национальной арене он справлялся хорошо, обойти соперников в собственном штате у него зачастую не получалось.

– Его ждут тяжелые выборы. – Я переместила вес с одной ноги на другую. Туфли почему-то стали слишком неудобными. При этом я заметила голубые глаза сенатора – они напомнили мне цветной этюд «Звездной ночи» Ван Гога, который висел в «Ганновере».

– Знаете, хотя я бы с превеликим удовольствием занял это место, – смеясь заметил Хиткоут, – мне бы не хотелось, чтобы это было за счет Бишопы. Он, видите ли, хороший коллега. Надежный.

Мы собрались перед камерой, пока команда настраивала освещение и звук.

– У тебя есть список вопросов? – Вирджиния улыбнулась мне, когда я устроилась в кресле. Ее замечание стало напоминанием, что уклоняться от оговоренного списка я не имела права.

– Безусловно. – Я улыбнулась, демонстрируя записи.

Она плохо разглядела бумагу, иначе увидела бы мои собственные дополнения. Наш видеопродюсер начал отсчет.

К интервью мы приступили с обычных вопросов, в которых журналу «В кадре» не было равных. Как Хиткоут перешел из профессионального гольфа в сенат? Как часто он играл в гольф и где? Откуда возникла страсть к усыновлению и почему он чувствовал, что нужно уделять больше внимания детям старшего возраста? Ответы на вопросы об усыновлении были хорошо отрепетированы, и он не сказал ничего нового. Даже *мне* наскучила собственная линия допроса.

Я взглянула в записи. Следующий вопрос казался настолько пресным, что я даже не решилась его задать. Нет, я не могла позволить нашему журналу унизиться. Я не могла отпустить сенатора, не узнав хоть что-то стоящее. Я была просто обязана заставить этого человека хотя бы раз *задуматься* над ответом.

– Итак, – начала я. – Вы не хотите развеять слухи о том, что выдвигаетесь в вице-президенты? Давайте, расскажите нам все. – Я засмеялась, наклонилась и положила ладонь на его руку, избегая взгляда Вирджинии. – Скажите нам. Вы же знаете, чего хотите! – Выбранная формулировка заставила меня взглянуть в собственные записи. Я не планировала использовать *подобный* тон.

Я ждала умного уклончивого отрицания. В подобных вещах Эйсе Хиткоуту не было равных. В зале стояла тишина. Вскоре Хиткоут заговорил, немного бледнея, как будто спорил сам с собой. Клянусь, я слышала, как он бормотал: «Нет. Прошу. *Не делай этого*». Голова мужчины качалась взад и вперед. Сцена казалась настолько странной, что даже оператор перевел на меня взгляд. Я видела, как Вирджиния направилась к Хиткоуту, но он остановил ее взмахом руки. Уверена, она подумала, что он выкрутится. Я, конечно, заплачу за свою дерзость, но в тот момент мне было не о чем беспокоиться. Этот мужчина привык отклонять нежелательные вопросы.

Пока мы сидели в полной тишине, я почувствовала: что-то пошло не так.

– Сенатор?

Сначала я решила, что он задыхается, но потом заметила, что он не посинел. Нижняя губа Хиткоута задрожала. Он возился с руками, сжимая одну другой, как какой-то пирожок. Затем он начал бороться с собственным языком, то заговаривая, то вновь смолкая. Его команда подошла ближе. На мгновение я подумала, что у него случился припадок или инсульт. Он взял стакан диетического «Доктора Пеппера», и его рука сильно затряслась. Я попыталась отобрать бутылку, но он меня оттолкнул.

– Да. – Ответ донесся прерывистыми волнами, словно дыхание запыхавшейся собаки. – На прошлой неделе мне поступило предложение, и я согласился. Мы объявим об этом на следующей неделе, а затем отправимся в тур по Югу. – Он пытался остановиться, но, похоже, не сумел сдержать последующую волну слов. – Да, да. Я буду кандидатом. Да. Мне предложили. – Я наблюдала, как Хиткоут приложил руки к загорелому лицу, как будто ощупывал рот, надеясь удержать его на замке. – Но существует опасность, что в общество просочится информация, что моя ассистентка забеременела от меня и я вынудил ее отдать ребенка на усыновление. Они хотят ей заплатить. – Затем он застонал: – О боже. Не знаю, зачем я все это рассказал...

Я что-то пробормотала, не уверенная в собственном ответе. Я понимала, что мне только что вручили историю дня, нет, историю недели! Эти слова приведут к краху карьеры пожилого сенатора, станут последней ее главой. Все в зале затаили дыхание. Оператор посмотрел на меня, не зная, что делать дальше, но красный свет на камере по-прежнему мигал.

– Вот дерьмо, – громко произнес кто-то.

К сенатору бросились сотрудники.

– Прекратите запись, – прохрипела Вирджиния.

Однако непоправимый ущерб политической карьере Эйсы Хиткоута был уже нанесен.

Сенатор смотрел на меня, почти умоляя не задавать вопросов. Он больше не мог говорить.

– Вы в порядке, сенатор? – спросил его законодательный директор.

Спустя несколько секунд потрясенный сотрудник вылетел из комнаты. Вирджиния Сэмсон повернулась ко мне.

– Откуда мне было знать, что он *это* расскажет? – начала я, готовая защищаться. Записи, которые я держала в ладони, скомкались и намокли от вспотевших рук.

– Учитывая нашу дружбу, ты знаешь, о чем я тебя попрошу. – Вирджиния сняла очки, чтобы я разглядела ее глаза.

После стольких лет службы у нескольких сенаторов на ее пухлом лице остались глубокие морщины. Обычно добрые, сейчас карие глаза Вирджинии наполнились гневом.

– Хелен, ты не можешь выпустить эту запись. Его признание уничтожит все шансы на выдвижение. Партия пойдет против, и ты это прекрасно понимаешь. Это красноречие разрушит его карьеру. И, возможно, брак.

– Ты знала об этом, Вирджиния?

Она не ответила.

– Ладно.

Мы обе знали, что я не посмею скрыть интервью. Это было бы безответственно.

– Ты же знаешь, что я не могу этого сделать, Вирджиния. Даже если бы хотела... Я *была бы* рада помочь, но...

– Но он только что сделал вопиющее заявление, – добавила она, сморщившись. – Как будто «В кадре» – это кладезь сенсаций. Зато теперь ты сможешь поднять рейтинг своего журнала, так ведь?

– В зале находился политический репортер, Вирджиния. Я не могу... я не остановлю эту историю. Это было бы безответственно, и ты сама это знаешь. – Я схватилась за стул, внезапно ощутив головокружение. – С ним что-то не так? Он пьян?

– Ты и сама знаешь. Он никогда не притрагивается к спиртному.

Я знала, что жена Хиткоута лечилась от алкоголизма, а сам он слыл известным трезвенником, но его странная откровенность должна была иметь хоть какое-то объяснение.

– Что случилось в этом кресле, Вирджиния? Я не знаю, болен ли он, но выглядел он определенно нестабильным.

Вирджиния серьезно покачала головой.

– Нет. У него прекрасное здоровье.

– Что тогда? Его кандидатуру даже не следовало рассматривать, если у него такие проблемы с эмоциональным или физическим здоровьем.

– Я понятия не имею, что с ним произошло. – Вирджиния повернулась и направилась к двери. Я слышала шуршание ее колготок под юбкой. Она остановилась.

– Сколько у нас времени?

Даже если бы я решила не выпускать интервью, оператор Шарлин и наш политический репортер были в зале и стали свидетелями краха сенатора Хиткоута, который признался не только в том, что являлся кандидатом в вице-президенты, но и в том, что вступал с сотрудницей в интимные отношения, которые закончились беременностью.

– В лучшем случае десять минут, – ответила я. – Я не помешаю репортерам опубликовать сенсацию.

Вирджиния кивнула, с глубоким вздохом прошла мимо Шарлин и направилась по коридору.

Шарлин посмотрела на телефон в своей руке.

– Думаю, теперь стало ясно, почему он так увлечен усыновлением. – Я прислонилась к стулу, чтобы не упасть.

Шарлин посмеялась над моей беззаботной попыткой пошутить.

– Я только что получила сообщение от Джоша и Дэйва. Они спрашивают, что им делать.

– Пусть запускают.

Пока Шарлин двигалась прочь, комната начала раскачиваться взад и вперед, точно лодка. Неожиданно меня охватила волна тошноты. Я только что стала свидетелем любопытной вещи: потенциальная кончина почтенной политической звезды и, возможно, конец долгой и легендарной карьеры хорошего человека. Виновата ли я? Меня мучило то же чувство после смерти матери Сары, и Люк подтвердил, что я сыграла в этом свою роль. У меня заболела голова, и я ухватилась за кресло из искусственной кожи, после чего соскользнула по холодной гладкой ткани на пол. Затем все вокруг почернело.

Глава 6

Джульетта ЛаКомпт

Шаллан, Франция, 1895 год

На следующее утро Джульетта чуть ли не бегом несла Марселя в мастерскую Маршана. Холм, ведущий к каменному дому, был довольно крутым, поэтому она взяла мальчика на руки, взвалив на бедро весь его вес; ребенок пытался бежать сам, но не сумел угнаться за сестрой. Для визита к художнику она выбрала свое лучшее платье – коричневую сорочку до щиколоток. Учитывая, что Маршан любил оставлять окна мастерской открытыми настежь, наряд дополнила ярко-синяя переливчатая накидка. Студия находилась с западной стороны дома, и солнце не заглядывало в окна до самого полудня. Джульетта помнила, что плитка на полу, как и вся студия в целом, была холодной, поэтому захватила Марселя одеяло, чтобы он мог согреться.

Джульетта смотрела на поле, откуда только что пришла, и на зеленые холмы, уступающие место недавно распустившимся подсолнухам. Она слышала, как куры на ферме носились и хором кудахтали. Она уже собиралась постучать в деревянную дверь, как вдруг та распахнулась. На пороге появился улыбающийся Маршан.

– Ах, прекрасная Джульетта. – Он наклонился, чтобы посмотреть на Марселя, который свешивался у Джульетты из рук. – А кто это у нас здесь?

– Это Марсель. – Джульетта переместила ногу, чтобы удержать мальчика.

Маршан ловко принял ребенка из ее рук и поставил на пол. Пока Марсель изучал студию, Маршан снова обратил внимание на Джульетту.

– Ты подросла с прошлого лета. – Он осмотрел ее с ног до головы взглядом, который Джульетта сочла оценивающим взглядом художника на модель.

– Я надеюсь, что это хорошо, месье.

Их глаза встретились. Он тоже изменился. Джульетта заметила, что он стал шире – не толстым, но крепким как камень. Его зеленые глаза с серым оттенком по-прежнему искрились добротой. Джульетта вспомнила, что на левой стороне лица у него была ямочка, которая теперь скрылась за бородой.

– Так и есть. – Маршан улыбнулся и зашел в студию.

Студия ничуть не изменилась с прошлого года. Джульетта заметила ту же бежевую ткань, перекинутую через кушетку, как будто ее никогда не снимали. Она знала, что это невозможно, потому что зимой дом Маршана содержали слуги. Студия Маршана могла у кого угодно развеять романтический образ художника за работой.

Он не сел за мольберт и не начал рисовать. Обычно творческий процесс проходил в неистовом темпе: в один момент мастерская заваливалась выполненными углем набросками рук, глаз, пальцев. Другие рисунки выполнялись на больших листах, и в этих случаях Маршан экспериментировал с драпировкой или игрой света на лице. В конце рабочего дня пол в мастерской был полностью завален бумагой, однако слугам запрещалось убирать ее, пока картина не была полностью закончена.

– Сегодня я решил начать с набросков в саду, – объявил Маршан, надев очки. Тут же начал доставать из кожаного футляра какие-то предметы. – У фонтана хорошее утреннее солнце. Я буду ждать вас с Марселем на этом месте каждый день в девять часов утра. Я люблю прогуляться утром, прежде чем приступить к работе. Будем работать до полудня. Все понятно? – Маршан внимательно посмотрел на Джульетту поверх очков. Взяв с мольберта альбом, он сунул его под мышку рукой, облитой белоснежной рубашкой, и вышел за дверь в залитый солнцем сад.

Джульетта обратила внимание на Марсея, который сел на плитку и тыкал мокрым пальцем в трещины. Она взяла влажную руку мальчика и последовала за художником.

В прошлом году они никогда не работали *вне* студии, и новые правила огорчили Джульетту. Студия была особенным местом, где Джульетта и Маршан провели вместе все прошлое лето. Мастерская принадлежала исключительно ему. Сад же, напротив, являлся местом общественным, и мадам Маршан, как и слуги, не считала его приватным владением художника.

Маршан расположил детей у фонтана. Джульетта сидела на ступеньке, держа Марсея на коленях. Маршан нахмурился, глядя на синюю накидку, а затем наклонился, чтобы стянуть ее с плеч и поправить воротник платья. Он касался ее так, как если бы возился с куклой, но внутри Джульетты что-то дрогнуло. Маршан уложил Джульетте волосы, и пока он занимался ее прической, она ощутила аромат лавандового мыла, которым он воспользовался утром.

– У тебя кудряшки с характером – непослушные, как и ты. – Он улыбнулся и встретился с ней глазами. Затем поставил пухлые херувимские ноги Марсея на колени Джульетты. – Нам нужно изобразить молодую мать и дитя. Подержи его чуть-чуть, пока я набросаю основы. – Взяв несколько прядей Марсея, он накрутил их вокруг пальца. Марсель с любопытством наблюдал за художником, не выпуская палец изо рта.

Джульетта кивнула.

Спустя несколько минут, когда Маршан получил желаемый эскиз, он позвал горничную.

– Возьмите мальчика, – велел он. – Дайте ему молока и уложите спать.

Служанка кивнула и сняла ерзающего мальчика с колена Джульетты, которое онемело от долгого сидения в одном положении. Марсель поспешно последовал за служанкой, обещавшей конфеты.

Еще час они молча работали. Сидя на железной скамейке и закинув одну ногу на другую, Маршан рисовал девичье лицо, чередуя карандаши и растирая пальцем бумагу. Наконец мазки Маршана смягчились, и он встретился глазами с Джульеттой.

– Мать говорит, что ты выходишь замуж.

– Да, – хмуро подтвердила она. – В следующем году.

– А где же радость? – Его лицо исчезло за мольбертом, и он стал просто голосом среди солнечной тишины.

– Он ужасный мальчишка.

Маршан выглянул из-за мольберта и снова встретился с ней глазами. И перестал рисовать.

– Когда-то все мы были ужасными мальчишками. – Он положил руки на колени. – Ты знаешь, что значит быть замужем, Джульетта?

Джульетта ничего не ответила.

– Так я и думал. – Он вздохнул, покачал головой. – Женщины вступают в брак очень неподготовленными, особенно здесь, в деревне.

– Но я не хочу жить в деревне. – Джульетта удивилась напору, который прозвучал в ее тоне. – Я хочу жить в Париже.

– Правда? – Голова Маршана скрылась за мольбертом. – Что тебе известно о Париже?

– Что мне известно? – переспросила Джульетта. – Я глупая девочка, и я ничего не знаю. Но я знаю, что не хочу оставаться здесь.

Маршан, вытирая руки тряпкой, встал со скамейки и подошел к Джульетте. Когда он присел перед ней, она увидела, что уголь запачкал предплечья его рубашки.

– Ты далеко не глупая, моя Джульетта. – Протянув руку, он коснулся ее щеки. – В тебе есть что-то особенное, и ты это знаешь, так ведь?

Что-то вспыхнуло в сердце Джульетты, и она наклонилась к его руке. Он перестал гладить ее щеку и придвинулся настолько близко, что она почувствовала запах его дыхания с легкой табачной ноткой.

– Иногда я вижу тебя во сне, юная Джульетта. – Маршан грустно улыбнулся. – Вот почему я рисую тебя. – Он убрал руку, поднялся и повернулся спиной, как будто чего-то стыдился или слишком много сказал. – На сегодня мы закончили. Я велю служанке привести Марселя к воротам.

Джульетта поправила свисающее с плеча платье и направилась к воротам, всю дорогу прикасаясь к щеке. Лицо полыхало так, что пришлось остановиться у каменной лестницы, чтобы немного остыть под прохладным дуновением ветерка.

Спустя несколько недель Маршан перенес этюды на большой лист бумаги размером с холст, а затем переместил грубый набросок позы Джульетты, смешав краску с обратной стороны листа и прижав к холсту. Какое-то время Маршан убирал лишнюю краску, пока не остался доволен сделанной работой. Он позволил Джульетте поэкспериментировать с переводом рисунка, выдав небольшой кусок бумаги. Используя тушь, художник подкрасил рисунок и нанес финишный лак, чтобы линии никуда не исчезли. Только когда очертания эскиза его устроили, за мольбертом закипела настоящая работа. Он начал с белого, серого и коричневого и каждый день накладывал слои, – иногда гуще, чем нужно; тогда он брал нож и соскабливал краску, пока не добивался нужного эффекта. Цвета, изображенные Маршаном, казались Джульетте даже более реальными, чем окружающие ее цвета. Терпеливо и неторопливо он накладывал слой за слоем, время от времени возвращаясь к своим наброскам, которые служили ему руководством. Джульетта не раз заставляла Маршана на четвереньках среди обрывков бумаги, занятого поиском нужного оттенка синего.

Беременная жена Маршана лежала в постели до тех пор, пока местный врач не счел разумным отправить ее обратно в Париж. Маршана, похоже, подобный поворот событий не слишком беспокоил: он просто позволил супруге уехать в сопровождении горничной.

Порядок работы Джульетты и Маршана был всегда один и тот же: несколько минут он работал с Марселем и Джульеттой, затем отправлял ребенка с горничной на дневной сон, а сам оставался с Джульеттой наедине. За эти недели Маршан закончил три сольные картины – все у фонтана. Когда Джульетта набиралась смелости заговорить – обычно на второй час, – она просила художника описать район, где он жил в Париже, и городские будни. Маршан рассказывал ей о книжных магазинах и кафе, о прогулках на остров Сен-Луи и о карусели в Люксембургском саду.

На шестнадцатый день рождения Джульетты погода выдалась хмурой. Во дворе начал накрапывать дождь, поэтому Маршан перенес сеанс в мастерскую. На мольберте Джульетта нашла небольшую картину, покрытую бежевой тканью.

– Что это? – Джульетте всегда нравилось раскрывать готовые картины Маршана.

– Открой, – сказал он. – Это подарок на день рождения.

Под тканью Джульетта нашла изображение города. Она нахмурилась, поскольку ожидала увидеть на картине себя, и смущенно склонила голову.

– Это мой Париж, – прошептал ей на ухо Маршан, приблизившись к Джульетте со спины. – Я нарисовал его для тебя. – Он стоял так близко, что Джульетта почувствовала, как струящаяся ткань его штанов щекочет ее лодыжку. Его руки легли ей на плечи. – Это вид, который ежедневно открывается моему взору, когда я живу в городе. Я мечтал, чтобы ты увидела Париж моими глазами. Я не пишу пейзажи, поэтому приношу извинения, если картина не так хороша, как другие мои работы. Но уверяю тебя, что она особенная.

Джульетта повернулась и посмотрела на него. Она чувствовала, как на ее глазах выступают слезы.

– Тебе нравится? – смущенно спросил Маршан. Вытащив очки из кармана брюк, он начал протирать их платком.

Джульетта кивнула. Огюст Маршан был высоким мужчиной, и девушка призадумалась, прежде чем поднять глаза. Она знала, что мог означать столь близкий и пристальный взгляд.

– Для меня никто никогда ничего не писал.

– Брось скромничать, – засмеялся Маршан. – Я нарисовал около двадцати твоих портретов.

Джульетта покачала головой.

– Вы никогда не рисовали *для* меня, и вы это знаете.

Подарок художника придал Джульетте смелости. Она чувствовала, как сильно он хотел, чтобы ей понравилась картина. Но теперь Джульетта понимала: Маршан смотрел на нее не только глазами художника, но и глазами мужчины. Они стояли в мастерской, слушая громкий стук барабанившего по стеклу дождя. Они смотрели друг на друга, зная, что произойдет дальше, но никто из них не решался сделать первый шаг.

Затем Джульетта заметила движение его ноги; услышала шорох штанин. Одним ловким движением художник поднял ее на руки, отнес на кушетку и сел на край рядом с ней.

Тело Джульетты запомнило все места, где соприкасались их тела: ее бедро и его бедро, его живот и ее ребро. Маршан склонился над ней, собираясь с силами. В следующий миг его рука уже без лишних просьб и разрешений поглаживала ее грудь.

– Меня никогда не целовали, – вдруг прошептала Джульетта, касаясь его губ пальцем. В тот миг она чувствовала, что вправе так поступать. – Это был бы изумительный подарок на день рождения.

Он наклонился, и губы их соприкоснулись. Борода Маршана оказалась мягче, чем представляла Джульетта. Первый поцелуй вышел невесомым; когда их губы приоткрылись и Джульетта заглянула Маршану в глаза, художник привлек ее к себе. Она подхватила ритм неторопливых поцелуев и отвечала, пока язык Маршана не приоткрыл ее губы, а поцелуи не стали глубже. Джульетта теребила его волосы, шею, одежду; задыхаясь, он наконец-то оторвался от нее, и Джульетта обнаружила, что потянулась за ним, не желая разрывать их единение.

– Я хочу, чтобы ты встала, – скомандовал он.

Джульетта подвинулась и поднялась с кушетки, встав перед художником. Ноги ее ослабли, временами подергивались. Маршан остался сидеть; его руки касались ее ног, даруя им новую внезапную близость.

Маршан взглянул на Джульетту и притянул к себе.

– Ты хочешь этого?

Джульетта кивнула, но он покачал головой.

– Нет. Скажи, – потребовал он. – Мне нужно *услышать*, что ты хочешь этого. Что ты хочешь *меня*. Все изменится, Джульетта. Ты это понимаешь? – Его руки крепко держали ее на расстоянии, как будто в любой момент он мог оттолкнуть ее и сбежать. – Ты понимаешь, Джульетта? – Он потряс ее, чтобы донести свой вопрос.

Джульетте подумалось, что Маршан выглядит злым, измученным, как животное в ловушке.

– Я хочу, – отчетливо произнесла она. – Ничего в жизни я не желала больше этого.

– Позволь мне увидеть тебя, – попросил Маршан, и его взгляд переместился на ее тело. – Я хочу тебя увидеть.

Джульетта растегнула пуговицу хлопковой сорочки, и платье упало с ее плеч на пол. Под платьем она была обнаженной. Посмотрев на девушку, художник притянул ее к себе, прижался головой к ее животу. Затем уложил обратно на кушетку. Маршан пытался объяснить, что все отныне изменится, но ни один из них даже не представлял, насколько истинным окажется это пророчество. Все, что Джульетта понимала, пока он снова и снова входил в нее, это то, что не бывать теперь браку с мальчиком Бюссоном, не рубить ей больше лук-порей и не кормить кур. Для этой жизни она погибла безвозвратно. Через несколько мгновений Маршан упал на нее, и она поняла, что теперь они связаны навеки.

Глава 7

Хелен Ламберт

Вашингтон, 25 мая 2012 года

– Хелен? Хелен?

Я услышала гнусавый голос Шарлин и почувствовала запах резины. Придя в себя, я поняла, что лежу лицом вниз на новом ковре, а прямо подо мной растекается лужа крови.

– Что за?..

– У вас кровь из носа идет, – сказала Шарлин, эффектным жестом протягивая мне пачку колючих и не совсем белых салфеток. – Не зря я беру их из кухни. Вы в обморок грохнулись.

Я села. Голова болезненно пульсировала. Сон, который мне только что приснился, был таким ярким.

– Лучше вам пойти домой и немного отдохнуть.

– Нет, – отрезала я. – Все нормально. Это из-за сухости воздуха, я уверена.

Шарлин нахмурилась.

– Ваш телефон разрывается. Все вас ищут.

– А вы, значит, не удосужились поискать меня на полу? – усмехнулась я.

Прежде кровотечений из носа у меня не бывало. Тем не менее, невзирая на испуг, я все списала на сезонную аллергию. Людям свойственно падать в обморок, да и кровь из носа – это сущий пустяк. Я всячески старалась не связывать кровотечение с недавними сновидениями.

Видео, увековечившее конфуз сенатора, стало вирусным. Остаток дня я отвечала на звонки и просматривала новости о том, как Эйса Хиткоут во время интервью внезапно «заболел», признавшись, что ему предложили участвовать в выборах и что у него есть внебрачный ребенок от штатной сотрудницы. Сенатора увезли в университетский госпиталь Джорджа Вашингтона, где теперь он находился под наблюдением. Вирджиния старалась все уладить. Я знала, что ее помощь давала Хиткоуту шанс сохранить лицо в глазах партии. Они так тщательно выбрали его среди многих, а теперь вынуждены были вернуться к короткому списку остальных кандидатов. И теперь кандидаты знали, что всегда находились в этом списке на втором месте. Хиткоут завершил работу вице-президентом, даже ее не начав, и, вероятно, похоронил свою карьеру действующего сенатора. К полудню поползли слухи о том, что он страдает обезвоживанием из-за чрезмерного увлечения гольфом. Кроме того, репортеры нашли его бывшую сотрудницу и на несколько часов разбили лагерь возле ее дома. Я не знала наверняка, что произошло сегодня утром с сенатором Хиткоутом, но я сомневалась, что это имело отношение к гольфу. Я осознавала, что сыграла весомую роль в этой истории, хотя и не понимала, каким образом могла это проверить.

Я приехала домой затемно и разглядывала замороженные блюда для микроволновки, когда вдруг услышала слабый стук в дверь.

В окне я увидела Люка Варнера, хотя была уверена, что не давала ему свой адрес. На Кэпитол-Хилл стояла теплая ночь. Люк ждал возле моей двери, повернувшись лицом к Ист-Кэпитол и сунув руки в карманы. Когда я повернула дверную ручку, он выглядел так, будто собирался уйти.

– О, это ты.

– Мне стало любопытно, не произошло ли сегодня что-нибудь странное?

– Например?

– Ну, какие-нибудь странные события. События... странные.

Я подозрительно взглянула на Варнера.

– Кроме *тебя* на моем пороге?

Он улыбнулся. Первоначально я думала, что он выглядит довольно обыденно, но теперь поймала себя на том, что разглядываю его темно-голубые глаза и ухмылку, которая показалась мне необычайно сексуальной. В противном случае я бы, наверное, закрыла дверь.

– Я заслужил.

– Наверное, я пожалею об этом, – заметила я, отходя в сторону, – но проходи.

Что-то в нем меня *цепляло*. Знаете, на что это похоже? Например, ты смотришь на человека и не понимаешь, почему его взгляд настолько тебя привлекает. Но вдруг, совершенно внезапно, ты осознаешь, что его глаза в точности схожи с глазами мужчины, который в молодости жил с тобой по соседству. Вот тогда-то до тебя и доходит, что *подобный* типаж оставил неизгладимый след в твоих вкусах.

– У меня есть вино. – Я направилась в кухню, минуя коридор.

Люк последовал за мной.

– Буду рад.

– Оно не французское, – предупредила я, наливая полный бокал каберне и отправляя по столешнице в его сторону. – Меня никто больше не спрашивает, как прошел мой день. Что ж, обычное явление для разведенки. – Я налила себе такой же полный бокал. – День прошел неплохо, и я, пожалуй, начну с самого начала. С цветов.

– С цветов?

– Да, именно. Сегодня цвета мне кажутся странными. В особенности зеленые, синие и желтые.

– Насколько странными?

– Как будто они покрыты свежим слоем краски и одновременно с тем окружены тусклыми цветами, к которым я привыкла. Мне кажется, что я под действием кислоты нахожусь.

– Тебе снилась Франция? – Люк заглянул в свой бокал. – Раз уж мне дозволено переступить порог твоего дома, смею полагать, что тебе приснились интересные сны. Напомню, что прошлым вечером ты считала меня сумасшедшим.

Как только он произнес эти слова, мои колени почти подкосились, и я оперлась на столешницу, чтобы остаться в вертикальном положении.

– Может быть.

Варнер засмеялся.

– В таком случае придется немного поработать. Вместе.

– Знаешь, я никогда не бывала в том регионе Франции, но да, он казался *очень* французским, и люди говорили... ну... они говорили по-французски.

– Ты знаешь французский? – Люк улыбнулся, уже зная ответ.

– Не совсем.

– Тем не менее ты понимала, о чем они говорили?

Я остановилась на середине глотка. Да, так и есть. Хотя я не осознавала этого раньше, в моем сне все говорили по-французски, и я понимала каждое слово. Моя мама, Марджи Коннор, настояла, чтобы я изучала испанский вместо французского, поэтому во французском языке я – полный ноль.

– Или, быть может, действие разворачивалось в Канаде? – поддразнивал Варнер. – Сегодня сны продолжатся. Трудно сказать, что именно ты увидишь, но обычно все идет в хронологическом порядке.

– Что за ерунда. – Я сделала глубокий вдох. – Это безумие. Мне просто снятся странные сны, вот и все. Недавно на фермерском рынке я купила витамин В. Наверное, он сдобрен каким-то дерьмом. – Отхлебнув слишком много вина, я подержала его во рту, прежде чем глотать. – А еще я сегодня потеряла сознание. На работе.

Люка как будто встревожило мое заявление.

– А носовое кровотечение было?

– Было. – Я слышала, как повысился мой голос. – Откуда ты?..

– Это происходит, когда возвращаются воспоминания – «странные сны», как ты говоришь. Сам процесс неестественный, поэтому он сказывается на тебе физически.

– Хочешь сказать, что обмороки продолжатся? А я-то связала свое состояние с сегодняшним ажиотажем... – Я сделала еще один глоток вина. – Ах да, и сегодня утром прямо на моих глазах один сенатор разрушил свою карьеру. Это ведь не твоих рук дело?

– Нет. Боюсь, на этот раз я здесь ни при чем, – заверил Люк. – Но вот об обмороках мне кое-что известно. – Варнер, взяв бокал за верхнюю часть, отправился в гостиную и уселся на диван. Он держался так, будто находился у себя дома. – Давай сделаем небольшой трюк, как в Викторианскую эпоху. Хочешь, я расскажу, что тебе снится?

– Неужели у тебя в кармане завалилась колода Таро?

– Таро... Я тебя умоляю... – Варнер закатил глаза. – Я способен на большее.

– Не сомневаюсь, – буркнула я. – Ладно, дерзай. Я хотя бы отвлекусь от Эйсы Хиткоута. Варнер, казалось, не беспокоился о Хиткоуте, пока устраивался на моем диване и переставлял декоративные подушки.

– Бьюсь об заклад, я сумею угадать.

– Я вся внимание.

– Тебе было шестнадцать. – Люк посмотрел в окно, прежде чем продолжить. – Жила ты во французском департаменте Вандея, в городе Шаллан. Это приморский департамент к юго-западу от Парижа. Зелени там хоть отбавляй: леса, деревья повсюду. Город расположен недалеко от океана. Родом ты из фермерской семьи. Родители выращивали кукурузу, подсолнухи и кур.

Я покачивала бокал с вином. Я прекрасно представляла ту сцену, которую рисовал мне Варнер, поскольку видела все воочию.

– Ну вот. Значит, королевских кровей и торговцев вином не будет? – Хотя я знала ответ, мне очень хотелось, чтобы Люк рассказал больше.

– Не очень романтично, да? Смею полагать, что ты и без меня все видела. – Варнер передвинулся на край дивана в ожидании ответа.

Я смолчала, но присоединилась к нему на диване. В дальнем конце.

– Знаешь, в ту эпоху бытовало романтическое представление о деревне. Парижане считали, что загородная жизнь намного проще, поэтому летом все художники стекались туда.

– А как в действительности? Было ли проще?

– Жизнь нигде не бывает простой, Хелен. По крайней мере, по моему опыту. – Он приставил руку к подбородку, и я заметила, что щетина на его лице потихоньку превращается в полноценную бороду. – Летом в том районе жили несколько известных писателей и художников. Это было чудесное место. Деревушка находилась вдалеке от океанского побережья, среди зеленых и желтых полей. Твоя семья не относилась к богачам. Земли у вас было немного, но на жизнь хватало.

Свет позади Люка бросал мрачные тени на его лицо. Он подтянул рукава тонкого черного свитера до локтей и заметно напрягся. Похоже, Люк Варнер не хотел продолжать рассказ. Но я слишком жаждала продолжения.

Наконец он поднял глаза.

– А ты... – Люк вздохнул и откинулся на диван, утонув в подушках. – Что ж, ты сама все видела.

Мне оставалось только промолчать.

Люк улыбнулся своей правоте.

– Вы похожи. В те времена у тебя были темно-рыжие волосы. В наши дни, кажется, такой оттенок называют тициановым. – Протянув руку, Варнер коснулся пряди, которая выпала из

моей прически. Этот жест был слишком интимным, но я позволила Люку сделать это, хотя и не знала почему.

– Тициановый¹³. В честь художника, – сказала я.

Он кивнул.

– У тебя были длинные волосы, и чаще всего ты их подвязывала, как будто длина тебя раздражала. Ты много работала: на самой заре уходила в поле, чтобы покормить кур. Ты была очень красивой, но деревенская жизнь в те времена была слишком тяжелой. И... – его голос замер.

Мне казалось, что вот-вот раздастся звонок в мою дверь и на пороге покажутся офицеры. Они объяснят, что пришли за Люком Варнером, чтобы вернуть его в психиатрическое учреждение, после чего извинятся за доставленные им неудобства. Откуда этому мужчине известно о моих снах? Как такое вообще возможно?

– Художнику Огюсту Маршану и его жене принадлежало поместье, граничащее с фермой твоей семьи. Они приезжали туда летом, чтобы сбежать из Парижа.

Хотя Роджер тысячи раз произносил имя художника, из уст Люка оно звучало так, что по спине пробежал холодок. Как Люк Варнер мог настолько ярко описать мой сон? И почему именно Огюст Маршан? Одержимость Роджера этим художником разрушила наш брак, а теперь даже во сне я не могла от него сбежать. Роджер убил бы за возможность увидеть столь подробные сны о своем кумире.

– Если ты присмотришься, то обнаружишь себя на картинах, которые Маршан рисовал на протяжении многих лет. Просто взгляни на полотна в «Ганновере» или сходи в музей д'Орсе. Ты была его музой.

– «Босоногая девочка»?

– Одна из моих любимых, – сказал Люк. – Я рад, что картина теперь с тобой. Она всегда должна оставаться рядом. Подумай об этом. Ты наверняка прикасалась к ней тысячи раз.

– То, что ты описываешь, – наконец признала я, – я видела все это во сне. Как это возможно? Как это происходит?

– Я объяснял тебе в галерее. – Он пожал плечами. – Ты необыкновенная, Хелен, и с тобой происходят необъяснимые вещи. Должен тебя предупредить, что история не закончилась. Она будет вспоминаться частями. Да, все это кажется странным, непонятным, но... твои прошлые жизни... они хотят вырваться на свободу. И, боюсь, ты ничего не сможешь с этим поделать, Рыжик.

– Мне снился Маршан.

– Кто-нибудь еще? – голос Варнера звучал немного обиженно, будто гость ожидал услышать большее.

– Нет, только Маршан.

– Только он?

– Это не соревнование, Люк. До тебя я еще не добралась, если ты на это намекаешь. Мои сны разворачиваются в последовательности, о которой ты говорил. Значит, мы скоро увидимся, так?

Я чуть не поперхнулась собственными словами. Я не могла поверить, что втянулась в эту историю. Это все вино.

– Отношения Джульетты с Маршаном вот-вот изменятся, запустив определенный процесс. Что касается меня, то я появлюсь позже. – Он снова выглянул в окно.

– Дай-ка угадаю... – Я сделала небольшой глоток вина, вспомнив сцену, завершившую мой сон. – «Босоногая девочка» зашла слишком далеко. Последнее, что я увидела, прежде чем проснуться, – любовь Маршана и Джульетты... прямо на кушетке.

¹³ Тициан Вечеллио – итальянский живописец.

Хотя я шутила, Варнер выглядел серьезным.

– Она дорого за это заплатила. – Мужчина, казалось, рассматривал серый ковер. Он погрузился в свои мысли, как будто взвешивал, чем стоило со мной делиться, а чем – нет. – Я бы сказал, что платишь ты до сих пор.

– Джульетта, похоже, знала об этом. У нее на лице все написано, если на картину взглянуть. Утрата невинности. В те времена ступенька считалась символом потери невинности, символом падшей женщины.

Люк кивнул.

– Ты была обручена с сыном фермера, и по достижении семнадцати лет тебе предстояло выйти за него замуж.

Я вспомнила, как Джульетта и ее мать обсуждали на кухне Мишеля Бюссона. Я чувствовала страх Джульетты перед замужеством, как будто это был мой собственный страх.

– Ты по-прежнему считаешь, что эта девушка – я?

– А ты сомневаешься?

Я пожала плечами.

– Я скорее заинтригована.

– А как еще ты можешь объяснить свои сны?

– Я не делаю поспешных выводов, тем более если они касаются прошлых жизней, мистер Варнер.

– О да, конечно. Все дело в витамине В. Что ж. – Он резко встал. – Думаю, мне пора.

– Как пора? – Я тоже встала. – Ты ведь еще не закончил.

– На сегодня я закончил, Рыжик. Возможно, мы продолжим в другой раз. – Варнер взял куртку и в последний раз отпил из бокала. – Ты пока не готова.

– Не готова?

Я не могла поверить, что этот мужчина появился у двери и начал рассказывать безумную историю о моей прошлой жизни (более ста лет назад!), но когда мы добрались до самого интересного, он вдруг собрался домой. Может, я чем-то его обидела?

– Ты не рассказал, как мы познакомились.

– Я бы предпочел, чтобы ты *сама* рассказала. – Люк повернулся, чтобы уйти. – Сконцентрируйся перед сном, а остальное приложится. Так всегда бывает.

– Ты можешь избавить меня от лишних хлопот.

– Я пробовал, Рыжик, но ничего хорошего не выходило. – Варнер остановился и о чем-то задумался. – Есть еще кое-что. Еще одна картина. Она находится в частной коллекции, однако существуют фотографии. Картина называется «Джульетта». Именно с нее все и началось.

Название показалось мне знакомым. Я вспомнила, как Роджер безуспешно пытался найти загадочную картину Маршана, хотя он *умел* находить картины. Я последовала за Люком в коридор. Вино уже ударило в голову, и меня слегка пошатывало.

– О, кстати, Рыжик, – вспомнил он, открывая дверь. – У тебя ведь через несколько недель день рождения?

Я в замешательстве склонила голову.

– В конце месяца. – Двадцать второго июня мне исполнится тридцать четыре года. Варнер снова оказался прав. – Откуда ты знаешь...

– Неважно. Тебе стоит сосредоточиться.

Люк сунул руки в карманы и посмотрел на улицу. На Ист-Кэпитол дул ветерок, и ночь стояла прохладная. Варнер изучал темноту, будто что-то с нее считывал.

– Прошу тебя... постарайся, Рыжик. Ради меня. У тебя очень мало времени.

– Что ты имеешь в виду? Почему у меня мало времени?

– Скажем так, на этот раз ты опоздала, поэтому придется вспоминать быстрее. – С этими словами он вышел за дверь в темноту. Я наблюдала за ним, пока он не свернул на Третью улицу и не исчез из виду.

Как только он ушел, я вернулась в гостиную, схватила ноутбук и снова ввела запрос: «Люк Варнер». Ничего интересного я не узнала. На сайте Люка Варнера, владевшего картинной галереей в Таосе, штат Нью-Мексико, ничего не нашлось. Связь с искусством казалась логичной, и, кроме того, он *упоминал* Таос. Однако об этом загадочном человеке не было никакой информации. Никаких фотографий. Никаких пресс-релизов.

Но чего я ожидала? Этот мужчина, очевидно, был не в себе. Все это казалось полным безумием. Мне очень хотелось позвонить Роджеру и рассказать ему обо всем – о снах, об этом сумасшедшем, утверждающем, что я была музой Маршана. Однако я знала, что Роджер сочтет меня ненормальной или, что еще хуже, начнет бредить о собственной причастности ко всему этому. После того как я улеглась в кровать, взбила огромную подушку и положила на нее голову, я подумала о последних двадцати четырех часах своей жизни. За столь короткое время я встретила безумца, который настаивал, что мне уже сотня лет; разрушила карьеру мужчины одним простым интервью и познакомилась во снах с девушкой с картины. Уверенная, что впереди беспокойная ночь, я решила прилечь всего на секунду, но очень быстро провалилась в сон.

Глава 8

Джульетта ЛаКомпт

Шаллан, Франция, 1895 год

Зайдя в кухню, Джульетта почувствовала запах корицы и ванили. Ее мать стояла у раковины, перемалывая смесь сушеных цветов жасмина с лепестками роз.

– Любовное зелье? – Джульетта взглянула через плечо матери.

Комбинация трав была очень знакомой. В свои шестнадцать Джульетта и сама умела создавать некоторые простые снадобья.

– Заказ появился.

Мать девочки безупречно хранила не только *свои* секреты, но и секреты своих клиентов. Джульетту все больше интересовало, что происходило между матерью и этими женщинами.

– Для кого? – Джульетта села за стол. – Скажешь? Нет, подожди, дай я сама угадаю! Для старого вдовца в долине? Того, кто влюблен в девушку на год старше меня?

Мать повернулась к дочери.

– Ты что-то слишком счастливая последнее время.

Джульетта насторожилась. Мама обладала отменным чутьем.

– Лето на дворе. Ты же знаешь, как сильно я люблю теплый сезон. Все кругом цветет и оживает...

Мать вновь вернулась к зелью и наклонилась, чтобы заглянуть в потрепанную книгу рецептов. Джульетта знала, что слова о лете маму не убедили.

– Как продвигается работа с месье Маршаном?

Лицо Джульетты залилось краской. Мать *действительно* подозревала ее. И лучшим способом обороны, который Джульетта смогла найти, было преуменьшить значение картин и сеансов с Маршаном.

– Мне наскучило, – солгала Джульетта. – Я только и делаю, что сижу с Марселем, пока он ерзает и капризничает. Я слышала, что Маршан скоро вернется в Париж.

– Да, слухи ходят, – подтвердила мать. – Говорят, он уезжает через несколько дней.

Слова матери стали для девушки настоящим ударом. Маршан ни разу не упоминал о поездке в Париж. А ведь каждое утро они находили достаточно времени для объятий, и у него была масса возможностей, чтобы предупредить об отъезде. Мама, должно быть, ошибалась.

После завтрака Джульетта первым делом помчалась в студию, где сразу же вручила Марселя горничной – Маршан больше не рисовал ее брата. Вчера художник приступил к серии картин, изображающих Джульетту на крыльце. Во время сеанса Джульетта ерзала и заметно скучала, потому что предпочитала находиться в студии, подальше от любопытных глаз горничной. К полудню ступеньки слишком нагрелись, и Маршан поругал ее за неусидчивость.

Сегодня Джульетта застала Маршана работающим над складками платья, нарисованного вчера. Пол возле его ног был усеян эскизами. Он отложил кисть, каким-то образом почувствовав ее присутствие; повернувшись, притянул Джульетту к себе и поцеловал одним быстрым движением. Как и все последние несколько недель, они перебрались на кушетку, где Маршан снял с девушки платье и расстегнул свои брюки. Теперь Джульетта знала, что делать. Она знала, что ему нравилось; знала, как и когда к нему прикасаться. Она запомнила позы, которые он предпочитал, и заучила их, точно отработанные движения во время воскресных служб в церкви. Теперь Джульетта знала ответ на вопрос, каково это – быть женой, однако никак не могла представить столь интимные отношения с несчастным мальчиком Бюссоном.

Когда они закончили, Маршан закурил трубку.

– Слышала, ты возвращаешься в Париж. – Это было утверждение, не вопрос.

– Слухи не врут. – Маршан наклонился и поцеловал ее грудь. – Как раз хотел с тобой поговорить.

– *Неужели?* – Джульетта уловила напряжение в собственном тоне и заметила, что Маршан отреагировал.

Он приложил голову к ее животу.

– Я хочу забрать тебя с собой. Если, конечно, ты захочешь поехать.

Джульетта выдохнула. Именно *этот* ответ она и хотела услышать.

– Конечно! Я поеду!

Маршан поднялся, застегнул рубашку и штаны. В следующую секунду он направился к мольберту и сел, глядя на нее.

Джульетта потянулась за платьем, но он твердо возразил:

– Подожди.

Хотя они занимались многими интимными вещами, в идее обнаженного портрета было нечто слишком публичное. Нельзя было изображать их тайные отношения на холсте.

– Не стоит, – запротестовала Джульетта. – Мы не можем...

Маршан развернул ее так, чтобы голова изящно опускалась вниз; так, чтобы Джульетта легла в той позе, которую он хотел изобразить. Рисуя, он смотрел на нее, но она больше ни разу не потянулась за платьем.

Пусть Джульетта и верила в его намерение уехать с ней в Париж, часть ее жаждала получить некое материальное доказательство их любви.

За неделю Маршан закончил картину и назвал ее «Джульетта». Когда он наконец показал рисунок, Джульетта осознала, что картина буквально *кричала* об интимных отношениях художника и модели. Изображенная с редким мастерством, девушка на картине не имела ничего общего с типичными Маршановскими моделями с алебастровой кожей. Кожа нарисованной Джульетты покраснелась, интимная поза и крупный план намекали на недавнюю пылкую любовь и сладкую усталость. При помощи пигмента и бумаги Маршан отчетливо уловил страсть Джульетты к нему. Модель не просто смотрела на художника – *она его знала*. Мастер сумел запечатлеть на холсте чистейший образ желания.

На следующее утро, когда Джульетта пила чай, она вдруг ощутила некий забавный привкус. Поднеся чашку к носу, она почувствовала характерный намек на жженую корицу. *Зелье, которое готовила ее мать*.

Поставив чашку, Джульетта уставилась на напиток. Спустя мгновение она услышала вдалеке шелест маминой пышной юбки.

– Пей чай, – велела мать, с ходу приступив к шинковке картофеля. – Ты выглядишь бледной. Чай придаст щекам цвет. Этим летом ты бываешь на улице куда реже обычного.

Когда мать вышла, чтобы выбросить картофельные очистки, Джульетта поспешно вылила чай в водосток и вернулась на место с пустой чашкой.

Мать покраснела от работы по кухне.

– Сегодня мы ужинаем у Бюссонов. Мы с мадам Бюссон решили устроить встречу тебе и их мальчику. Пора вам познакомиться.

Джульетта уставилась в пустую кружку. Очевидно, мать надеялась, что зелье усилит привязанность дочери к мальчику Бюссону.

В тот вечер за ужином Джульетта сидела за столом напротив Мишеля Бюссона, который, похоже, не совсем понимал, что за сделку они заключают через год. Вместо этого он без умолку болтал об охоте и олене, которого убил прошлой осенью. В столовой на всеобщее обозрение были выставлены головы убитых Мишелем животных, включая голову конкретного оленя, о котором только что шла речь. Пока он жевал, худые руки неуклюже орудовали приборами; во время ужина Мишель не обращал на Джульетту никакого внимания. Зная, *какие* отношения

связывали ее с Маршаном, ее чуть не вырвало от одной мысли, что в следующем году она должна будет выйти замуж за этого мальчика.

После ужина Джульетта отпросилась немного подышать воздухом. Наслаждаясь запахом цветущей лаванды с полей Бюссонов, она увидела свет в доме Маршана. Джульетта знала, что теперь точно не сможет остаться в Шаллане. Уже на этой неделе она сбежит с Маршаном в Париж. Она собиралась вернуться в дом, когда вдруг увидела Мишеля Бюссона. Он стоял в дверном проеме и пристально наблюдал за ней. Джульетта хотела пройти мимо, но он преградил ей путь, схватил за руку, болезненно ущипнув кожу, и притянул к себе.

– Ты смотришь на меня свысока, а, девочка? – отчеканил Мишель. – Я по глазам читаю. Запомни одно: свысока смотреть буду я. Как только мы поженимся, я буду *владеть* тобой.

Глаза Джульетты расширились от ужаса.

Почувствовав ее страх, Бюссон расплылся в улыбке.

– Эта договоренность, которую заключили наши родители... Дурочка, ты хоть знаешь, что это значит? – Своими худыми, но удивительно сильными руками он схватил ее за талию, притянул к себе и сжал руками бедра. – Ты будешь *принадлежать* мне. И не стоит заблуждаться на мой счет. Я добрячком не буду.

Бюссон оттолкнул Джульетту, и девушка растянулась на каменной ступеньке прямо перед ним. Пройдя мимо, Мишель перешагнул через нее и направился обратно в дом.

Джульетта поднялась на окровавленные ноги и похромала к двери. Ввалившись в дом, она обнаружила Мишеля, безмятежно сидящего в гостиной вместе с родителями. Все взгляды в комнате обратились на нее.

– Что, черт возьми, с тобой случилось? – Мать поднялась со стула и подбежала к Джульетте. – Простите, мне ужасно неловко...

Мишель посмотрел на Джульетту с вызовом в глазах:

– О, Джульетта, неужели ты упала с верхней ступеньки? Она у нас коварная.

– Да, – согласилась мать. – Видимо, упала. – Она крепко держала дочь за руку. – Джульетта бывает очень неуклюжей.

Повернувшись к отцу Джульетты, мать предложила отвести дочь домой.

Джульетта видела, как родители переглянулись. В тот момент мадам Бюссон как раз толкнула дверь кладовой, держа в руках поднос с пирожными и сыром, но застыла, увидев Джульетту и ее мать.

– Святые угодники! Что...

– Джульетта споткнулась на верхней ступеньке, – вмешался Мишель. – Правда, Джульетта? – Он не сводил с нее бледных глаз, мешая поведать другую версию событий.

– Какой ужас, – мадам Бюссон покачала головой. – Наша младшенькая все время там падает, да, Мишель?

– Все верно, мама. – Мишель встал и забрал поднос из рук матери. – Отнесу на кухню.

Джульетта бросила взгляд на младшую дочь Бюссонов, и та печально взглянула на нее в ответ.

Мадам Бюссон сияла от счастья, глядя сына по волосам.

– Он такой внимательный мальчик.

– Мы отведем ее домой, – вмешалась мать Джульетты. – Примите мои извинения, мадам Бюссон.

– Не нужно извинений, Тереза. Я заверну для вас пирожные. – Мадам Бюссон улыбнулась Джульетте, а затем заметила ее окровавленные колени. – Нужно вымыть ей ноги.

– В этом нет необходимости, – заверила мать. – Не хочу доставлять вам лишнее беспокойство. Я сама помою.

Получив коробку с пирожными, Джульетта и родители направились через поле к дому. Отец Джульетты поддерживал дочь, пока та отчаянно хромала.

– Похоже, она подвернула лодыжку, – предположил отец, в конце концов просто подхватив Джульетту на руки. – Смотри-ка, ты уже не такая легкая, как в детстве.

Джульетта прислонилась к нему головой, чувствуя его тепло.

– Она выставила нас дураками, – рявкнула мать, как только они отошли от дома Бюссонов достаточно далеко. – Они, верно, думают, что женят сына на слабоумной!

– Может... – начал отец Джульетты, но мать тут же перебила его.

– Нам нужен этот брак, Джульетта. – Тереза остановилась перед мужем, преградив ему путь; ее каштановые с проседью волосы выбились из пучка, обрамляя лицо растрепанными прядями. – Ты понимаешь меня? Тебе нужно выйти замуж за Мишеля Бюссона.

– Довольно, Тереза. – Отец редко повышал голос на мать, но что-то в ее поведении заставило его руки напрячься. Джульетта прильнула к нему.

Мать повернулась к отцу с ослепительным презрением; Джульетта и не подозревала, что она на такое способна.

– Ты *сам* знаешь, зачем ей нужен брак.

Отец направился вверх по холму, не обращая внимания на жену.

– Знаю, но это не значит, что я обязан его одобрять.

Чувствуя, что отец на ее стороне, Джульетта собралась было рассказать о жестокости Мишеля, но вдруг передумала. Ей нужно было получше проработать план действий, поэтому пока она просто кивнула.

– Прости меня, мама.

На следующее утро Джульетта спустилась вниз и обнаружила, что в кухне никого нет. Обрадовавшись, что ей не придется отпрашиваться у матери, она, хромя, поднялась на холм к дому Маршана. У Маршана *были* деньги. Он обязательно поможет ее семье, чтобы они не потеряли ферму.

Подойдя к студии художника, Джульетта услышала крики. И эти два голоса были ей слишком знакомы.

– Она ребенок! – кричала ее мать. – Что вы наделали?

Голос Маршана был таким напряженным, каким Джульетта никогда раньше его не слышала. Он плакал.

– Нет, прошу вас, не забирайте картину!

– Вы ее *растлили*! Вы понятия не имеете, что натворили! Я не хочу свидетельств этого позора! Я все сожгу! Вы меня слышите? Убирайтесь отсюда! Возвращайтесь в Париж! Я хочу, чтобы все ее картины были уничтожены. Вы больше никогда не увидите мою дочь. Вы меня поняли?

– Прошу вас! Я сделаю все, что пожелаете, только не забирайте картину...

Джульетта стояла в дверях. Она слышала, как трещит и рвется холст. Наконец на улицу выскочила мать, держа в руках полотно с обнаженной дочерью.

– Уйди с дороги, – прошипела она, посмотрев на Джульетту. Перевела взгляд ниже, на ее живот.

Закрыв глаза, прошептала:

– О, Джульетта. Что же ты наделала...

Лицо ее омрачилось. Собравшись с мыслями, женщина прошла мимо дочери, с трудом удерживая широкий холст в руках. Спустившись с холма, повернулась к ней.

– Он никогда бы не забрал тебя с собой. Ну же, спроси его сама. Какая же ты дурочка...

Зайдя в студию, Джульетта обнаружила, что Маршан сидит на каменном полу перед кушеткой, обхватив голову руками. Его окружали рамы с разорванными полотнами, на всех – различные формы образа Джульетты.

Ее голос остался на удивление спокойным, учитывая драматичность момента.

– Она права? Ты не собирався забрать меня с собой?

– Это ложь, – сказал Маршан. Лицо его покраснело, опухло. – Твоя мать – лгунья. Я хотел забрать тебя. Хотел. Я собирался послать за тобой.

Казалось, он пытается убедить самого себя. О, как же Джульетта хотела ему верить.

– Ты не понимаешь.

– Чего не понимаю?

Но он лишь снова обхватил голову руками и покачал головой.

– Ступай домой, Джульетта. Просто уходи. Когда придет время, я за тобой вернусь.

Глава 9

Хелен Ламберт

Вашингтон, 26 мая 2012 года

– Что за чертовщина?!

Я подскочила в кровати. Как только ноги коснулись пола, вылетела из спальни в ванную комнату, чтобы рассмотреть в зеркале собственное лицо. В отражении меня встретили привычные медно-рыжие волосы, струившиеся по спине спутанными локонами.

Слава богу, я снова Хелен Ламберт.

Когда эта мысль пришла мне в голову, я рассмеялась и положила голову на раковину, чтобы удержать равновесие.

– Может, у тебя опухоль мозга? – спросила я у своего отражения.

Пока сцена с Маршаном оставалась свежа в памяти, я решила позвонить Люку. Настало время признать истину: со мной происходит что-то неладное и... неестественное. Сны были не просто снами.

Видимо, мой голос слишком дрожал, потому что Люк Варнер тотчас предложил приехать.

Была суббота, и мне повезло, что мысли о работе не докучали. Тем более что после интервью с Хиткоутом *все* жаждали со мной пообщаться. За это время мне на голосовую почту поступило двадцать шесть сообщений, и я до сих пор их не прослушала. Просмотрев новости, я увидела, что бывшая сотрудница Хиткоута, которая отдала на усыновление собственного ребенка, сделала заявление с просьбой о конфиденциальности, но не более того. Я вздохнула и выключила телефон и телевизор.

Люк подъехал на черном «Рендж Ровере». На носу его сидели дизайнерские очки; на заднем сиденье автомобиля стояли два пакета с продуктами. Как только он зашел в дом, я удивленно приподняла бровь.

– Ты умеешь готовить?

– Еще как. – Войдя на кухню, он сразу принялся открывать дверцы, вытаскивать продукты из пакетов и раскладывать их на столешнице. Порывшись в нескольких ящиках, Варнер вдруг озадачился: – У тебя есть венчик?

В тот момент я была занята просмотром почты.

– Прости, у меня отобрали его при разводе. Роджер обожает кухонную утварь. И вообще, у кого в наши дни есть венчик? – Я полезла в ближайший ящик и вытащила оттуда вилку.

Сначала Варнер замешкался, но все-таки принял ее из моих рук, изучив, как некий доисторический инструмент. Вскоре Люк уже резал продукты и кидал их на сковороду, наполняя кухню потрясающим ароматом.

– Что это? – Я заглянула в посудину.

– Чеснок и масло белого трюфеля.

Варнер вынырнул из недр моего посудного шкафчика с разделочной доской в руках. Он резал овощи, бросал их в другую сковороду и переворачивал с ловкостью профессионального повара.

– Где ты научился готовить?

Люк пожал плечами.

– Я всегда умел. Это одна из немногих вещей, которые мне нравятся в этом мире.

– А что еще нравится?

– Ну, это личное. – Варнер сверкнул улыбкой, обнажив совершенно ровные и белые зубы.

– Мы ходили на свидание, если ты помнишь. К твоему сведению, на первом свидании как раз обсуждают готовку, а не убийства людей или знакомство *столетней* давности.

– Если ты помнишь, на *первом* свидании ты от меня сбежала. – Он встряхнул горячую сковороду. – А я только собирался рассказать о своих кулинарных талантах.

– У тебя есть другие хобби, кроме убийства людей?

– Есть вещи, которые мне нравятся, – сказал он, явно решив сменить тему. – Я люблю воду. Океан. Я бы хотел однажды заняться серфингом.

– Скукотища. – Я притворно зевнула. – Кто не любит океан?

– Многие, – заверил он.

– Я таких не знаю. – Я подогнула ноги под стул и наклонилась ближе. – Даю еще одну попытку.

– Я люблю искусство.

– Только не это, – простонала я.

– Я его продаю, – сказал Люк, посмеиваясь. – Не коллекционирую.

На мгновение я задумалась, что ему ответить. Казалось, он читал мои мысли.

– Так что за сон тебе приснился?

– Я снова видела Джульетту.

– И?

– Мне кажется, я могла быть ею.

Люк Варнер повернулся и облокотился на столешницу. На нем была черная футболка и выцветшие джинсы. Ранее, когда он нес пакеты, я заметила линию мускулов на его руке.

– В самом деле? И ты больше не будешь называть меня сумасшедшим?

– О, твоего сумасшествия это не отменяет. – Я вертела в руках носок, чтобы не поднимать глаза. – Но во сне все было именно так, как ты предсказывал. Даже мне придется признать, что происходит нечто странное. Эта девушка из моего сна, Джульетта... Мне кажется, что она – это я.

– Все они уникальны. Все они разные, но являются частью тебя. – Люк прошелся по кухне, вернулся к плите и разбил яйца в миску, прежде чем добавить их в сковороду. Я увидела свежий багет, выглядывающий из оставшейся сумки.

– Сколько нас?

– Ну, есть ты.

– Это понятно.

– Еще есть Нора и Сандра. Их ты тоже увидишь.

– Значит, нас четверо?

Он кивнул.

– Если предположить, что это не безумие... Мы все одинаковые?

Варнер замешкался. Мне показалось, на этот вопрос он отвечать не желал, но я настояла:

– Когда мы встретились в «Софителе», ты сказал, что отдаешь предпочтение Норе.

– Я дурачился, – сказал Варнер, прервав свой кулинарный мастер-класс. – Я нервничаю, когда мы встречаемся спустя долгое время. Нора, однако, была для меня особенной.

– Не Джульетта? – Я чувствовала странную близость с Джульеттой.

Он не ответил.

– И не Сандра?

Люк задумался над вопросом, одновременно приподнимая лопаткой края омлета. Потом повернулся ко мне:

– Я подвел Джульетту.

– Каким образом?

Люк медленно подошел ближе и указал на мой лоб.

– У тебя, моя дорогая, есть ответ. В... твоей... голове.

– Ты можешь сэкономить мне время и силы.

Варнер выглядел расстроенным, рассеянным.

– Я давненько не думал о Сандре. – Когда он говорил о ней, в его голосе пробивался намек на тоску. – Чтобы ответить на вопрос, мне придется признать, что вы очень похожи, но каждая из твоих версий выросла при разных обстоятельствах, в разное время...

– Сколько времени прошло?

Задав вопрос, я вздрогнула. Неужели я *действительно* ему поверила?

– В этот раз? Сорок один год.

– Получается, это был...

– Тысяча девятьсот семьдесят первый.

Взглянув на меня, он схватил бумажное полотенце. Прижав его к моему носу, провел меня в спальню, где усадил на кровать, заставив задрать подбородок.

– У тебя снова начинается кровотечение. Тебе становится плохо. Пора отдохнуть.

– Кровотечения так и будут повторяться?

– Да. – Варнер выглядел обеспокоенным. – То, что ты переживаешь, нельзя назвать естественным процессом. Ты проживаешь несколько жизней за короткий промежуток времени. Обычно его у тебя больше.

– Ты все время так говоришь. – Я запрокинула голову. – Со мной все будет в порядке?

Люк не ответил. Лишь пригладил мои волосы, и я осознала, что никто не трогал меня так со времен Роджера.

Люк наклонился и поцеловал меня в лоб:

– Просто ложись и отдохни. Я принесу тебе завтрак.

Спустя несколько минут он вернулся с тарелкой великолепной еды: омлет с сыром «Грюйер», зеленый салат и картофельные оладьи.

– Черт! Выглядит аппетитно.

Пока я ела, он присел на кровать рядом со мной:

– Так на чем вы с Джульеттой остановились?

Я положила окровавленное полотенце на тумбочку и сфокусировала взгляд на тарелке. Казалось, я пересказываю сюжет какого-то эпического романа.

– Мать Джульетты узнала о Маршане. – Взглянув на Люка, я заметила в его лице смесь беспокойства и фамильярности. – Если ты не сумасшедший и вся эта история правдива, сколько же раз ты готовил мне завтрак?

– Слишком много, чтобы можно было сосчитать.

– Очень вкусно. Мне нравится. – Я посмотрела в полупустую тарелку.

– Знаю. Тебе всегда нравилось. Во всех прошлых жизнях.

Люк повернулся, чтобы уйти, и я коснулась его руки.

– Не уходи.

– Я буду на кухне, – сказал он. – Скоро вернусь.

Прежде чем выйти из комнаты, Люк оглянулся как будто с сожалением.

– В чем дело? – спросила я.

– Ни в чем. – Он печально улыбнулся. – Просто я никогда не устаю смотреть на тебя, вот и все.

Я слышала скрип досок, пока он шел по коридору. Спустя несколько минут Люк Варнер вернулся, уселся на кровать рядом со мной и стал наблюдать, как я ем. Затем притянул меня к себе и свернулся рядом. Я слышала, как тикают часы рядом с моей кроватью, а затем комната озарилась светом, точно экран телевизора, показывающий белый шум. Спустя мгновение наступила тьма.

Глава 10

Джульетта ЛаКомпт
Шаллан, Франция, 1895 год

Джульетта никогда не видела свою мать работающей в таком остервенении, в каком та пребывала сейчас.

Когда Джульетта зашла в кухню, всхлипывания рвались из глубин ее живота. Разъяренная разговором с Маршаном, мать расхаживала по комнате взад-вперед, хватая бутылки с подоконника, но тотчас подбежала к дочери и схватила ее за плечи.

– Ты никому не расскажешь об этом, слышишь?

– Я люблю его!

Мать сильно ударила ее по лицу.

– Ты дуручка, дитя мое. Пора тебе поумнеть.

Пошатываясь, Джульетта схватилась за горящую от боли щеку.

Лицо матери осталось холодным, неумолимым.

– Твоя глупость всех нас подвергла опасности.

– Я не понимаю...

Мать покачала головой.

– *Non*.¹⁴ Я исправлю это. – Одним быстрым движением мать откинула кухонный коврик и открыла люк, который Джульетта никогда раньше не видела. – Помоги мне.

Джульетта придержала тяжелую деревянную дверь, а мать тем временем спустилась в подвал и вернулась с тремя черными свечами, склянками с кровью и гигантской кожаной книгой.

То, что пряталось под полом, отличалось от любовных зелий и трав, хранящихся в кухне. За этой секретной дверью скрывалась иная магия.

– Что ты собираешься делать? – Джульетта держала кувшины и свечу, пока мать вылезала из подпола.

– Мне потребуется помощь.

Мать держала книгу в потрепанной кожаной обложке; раньше Джульетта такую не видела. Заглянув через плечо матери, Джульетта заметила изображения луны и странные имена, которые она не узнавала. Палец матери задержался на одном имени – экзотическом «Альтаказур». Измельчая травы пестиком и ступкой, она заходила по комнате, чтобы в конце концов налить полученную смесь в хрустальную миску с водой. Слегка напевая, мать поворачивала миску над головой; пока та двигалась, Джульетта уловила шлейф шафрана, гвоздики и корицы.

Поместив черные свечи в маленькую хрустальную чашу, мать полила их кровью из склянок.

– Дай мне руку.

Джульетта покорно протянула руку; прежде чем она успела запротестовать, мать порезала ей палец и окропила кровью каждую свечу. Джульетта сморщилась.

– У тебя есть его вещь? Что-нибудь, к чему он прикасался?

Джульетта не ответила, и мать нетерпеливо вздохнула:

– Ты меня слышала? – Волосы женщины выпали из аккуратного пучка, и длинные пряди спадали на вспотевшую спину и лоб.

Кивнув, Джульетта поднялась вверх и принесла подарок Маршана – нарисованный Париж.

¹⁴ Нет (с французского).

Выхватив картину из ее рук, мать повертела холст в руках.

– Он подарил тебе это?

Джульетта снова кивнула.

– Он нарисовал ее на мой день рождения.

Мать с жалостью посмотрела на дочь. Затем вынула из кармана декоративный нож и прорезала холст. Начала она с места, где Маршан подписал свою работу; отрезав его имя, она поднесла кусочек холста к свече.

Масляные краски на картине быстро загорелись, и, пока холст полыхал, Джульетта наблюдала за тлеющим изображением Парижа. Пейзаж изгибался, искривлялся, изувеченный пламенем. Это был Париж Маршана, хотя мать утверждала, что художник не собирался брать Джульетту с собой. Но девушка чувствовала, что мать ошибается. Маршан любит ее. Он обязательно за ней вернется.

Когда наступила ночь и отец, братья и сестры заснули, мать пробудила Джульетту от беспокойного сна и отвела за руку в кухню. В темной, холодной, сырой комнате царил глухая тишина. К удивлению Джульетты, кухня подверглась изменениям: стол отодвинули к стене, а на его месте появился нарисованный мелом гигантский круг. Внутри круга белела звезда; линии выглядели безупречными, как будто мать провела их по линейке. На вершине звезды, расположенные внутри круга рядом с хрустальной чашей, горели три черных свечи.

Выйдя на свет, Джульетта испуганно уставилась на мать, вырядившуюся в странную просторную фиолетовую мантию. Лицо ее было выкрашено в белый цвет, как у карнавального клоуна, но в этом образе не было ничего веселого. В плаще было что-то зловещее, и Джульетте захотелось убежать. Однако стоило ей повернуться, как мать схватила ее за руку с силой, которой Джульетта от нее не ожидала.

– Ты должна наблюдать. Он просит об этом.

Джульетта не знала, о ком она говорит, но чувствовала, что лучше не спорить. Она надеялась, что отец или Дельфина спустятся и спасут ее от этой мрачной сцены, однако семья спала крепко – *слишком крепко*. Джульетта решила, что мать за ужином добавила им что-нибудь в чай.

– Садись. – Мать указала внутрь мелового круга.

Джульетта перешагнула грубые меловые линии; воздух в круге был заметно теплее, чем за его пределами. Прохладный ветерок, дующий из-под двери, казалось, останавливался на границе круга; проведя рукой вдоль белой линии, Джульетта ощутила заметное изменение температуры. Мать, дернув за ночную рубашку Джульетты, стянула ту на пол. Затем она принялась наносить зловонную коричневую пасту на лицо дочери, на ее грудь, живот и ноги, отбивая руки девушки, когда та пыталась стереть с себя эту мерзость. Джульетта чуть не задохнулась, когда в нос ударил запах гвоздики и земли. Сидя в кругу на ночной рубашке, Джульетта обняла себя руками; на ней не было ничего, кроме едкой коричневой пасты.

– Я замерзла, – прошептала Джульетта.

Не обращая на нее внимания, мать опустилась на колени у линии круга, собрав накидкой меловую пыль. Она скользнула вперед по полу и легла лицом вниз на половицы, прижавшись лбом к деревянной доске. Мать тихонько запела, и Джульетта почувствовала, как дернулся ее живот; затем его пронзила острая боль. Боль пульсировала, точно сердцебиение, становясь все сильнее и сильнее. Задышавшись, Джульетта схватилась за живот, который казался твердым, горячим. Пение матери становилось быстрее, и девушка почувствовала стекающую под ноги на ночную рубашку теплую жидкость. Кровь. Джульетта опустилась на колени, чтобы коснуться багряной лужи, но отдернула руку, когда мать запела странным высоким тоном. Спустя несколько минут голос стал зловещим; свечи замерцали быстрее в такт песне; воск быстро таял, растекаясь как лава.

Джульетта испугалась. Это была жуткая сцена, и женщина на полу не выглядела как ее мать. Фигура в фиолетовом, лежащая лицом вниз, начала сильно дергаться. Джульетта попыталась встать, но обнаружила, что ноги не слушаются ее. Словно почувствовав ее желание сбежать, женщина протянула руку, чтобы сжать голую лодыжку Джульетты. Тело девушки затряслось в конвульсиях; она упала на пол рядом с матерью, выкатилась из круга на холод и скорчилась от жгучей боли в животе.

Мать поднялась с пола, как будто очнувшись от глубокого сна, и с отвращением взглянула на лужу гранатовой крови.

– Ты ждала ребенка. Ребенка Маршана. Но теперь его нет.

Вскрикнув, Джульетта коснулась своего живота. Густая коричневая паста начала рассыпаться по мере высыхания. Пульсация прекратилась, острую боль сменила тупая. Девушка села, глядя на испорченную, окровавленную ночную рубашку.

– Мы это сожжем, – объявила мать, будто читая ее мысли. – Возвращайся в круг.

Джульетта осторожно скользнула обратно. Ноги ее задрожали, и на мгновение она почувствовала, как боль начала угасать, как только ее тело вновь оказалось за меловой чертой. Мать смотрела на дочь с пустым выражением лица, даже с презрением.

Женщина возобновила пение. Через окно кухни Джульетта видела сияющую полную луну, льющую свет внутрь круга. Свечи до сих пор горели в наполненных кровью чашах. Когда они догорели до жидкости, кровь забулжила, закипела, а затем заструилась на деревянный пол, остановившись у меловой линии. Мать Джульетты вскрикнула, когда распахнулась дверь. Плотный влажный туман просачивался внутрь, сгущаясь и обретая форму. От представшего зрелища Джульетта взвизгнула. Прямо перед ней стоял дергающийся скелет рогатой козы, пытающейся встать на задние ноги. Страшное существо то материализовывалось, то исчезало, точно пыталось найти опору, но в конце концов встало перед матерью Джульетты. Казалось, между ними состоялся разговор, за которым последовало согласие женщины. Внезапно раздался щелчок, и челюсти матери сломались. Рот открылся до нечеловеческих размеров, позволив скелету козы, который, казалось, превратился в твердую массу, войти в женское горло. Джульетта почувствовала, как во рту ее разливается желчь. Даже в круге она ощутила холод, который окутал ее тело, словно одеяло.

Внезапно мать упала на колени, и челюсти с новым щелчком встали на место. Женщина поспешно прикоснулась к лицу, будто желая убедиться, что все черты на месте.

– Мы закончили, – раздался голос, не принадлежащий ее матери.

Женщина встала, но тут же споткнулась, будто тело ее превратилось в плохо сидящий костюм. Пока она заторможенно шагала к лестнице, колени ее разъезжались, а фиолетовая накидка волочилась по полу позади. Существо поднялось по лестнице, оставив нагую Джульетту в одиночестве на полу внутри круга. Пока догорали свечи, рвота медленно высыхала на ее бедрах.

Джульетта вскочила и подняла пропитанную кровью ночную рубашку. Не теряя времени, она поковыляла к кухонной раковине, чтобы смыть с тела коричневую мазь. При помощи грубой щетки Джульетта стряхнула с себя большую ее часть, после чего завернулась в окровавленную холодную одежду. Прежде чем закрыть дверь, Джульетта задула свечи и посмотрела на книгу из коричневой кожи с изысканным золотым и фиолетовым тиснением. Она потянулась, чтобы прикоснуться к переплету, но вдруг отдернула руку. Недавнее зрелище не на шутку ее напугало, и Джульетта не могла избавиться от ощущения, что все произошло по вине этой книги. Взглянув на гравюру на обложке, девушка увидела символ – то самое козлоподобное существо, которое явилось на кухню.

Джульетта тихонько поднялась по лестнице в спальню, свернула ночную рубашку в клубок и спрятала за кровать. Дельфина крепко спала. Дрожа, Джульетта сменила рубашку и забралась в теплую постель, однако, несмотря на тяжесть одеял, холод не покидал ее, а запах

гвоздики как будто вьелся в кожу. Едкий запах остался единственным напоминанием о том, что все увиденное произошло *наяву*. Хотя она могла обнять Дельфину, чтобы согреться, она не смела прикасаться к сестре. Этот озноб не был нормальным; случившееся на кухне не было нормальным. *Ее мать не была нормальной*. Если раньше Джульетта и задавалась вопросом о прошлом Терезы, теперь она не сомневалась, какие секреты та утаивала от собственной семьи. В ту ночь в их дом пригласили дьявола. В этом Джульетта была уверена.

Поутру, когда Джульетта проснулась, кухня была чистой. От мелового круга, кожаной книги, черной свечи и крови не осталось и следа. Отец Джульетты прошел в дверь с обеспокоенным взглядом. Это был добрый мужчина с большим лицом и широким носом, однако сегодня лицо его пылало.

– Твоя мать, – произнес отец. – Она заболела.

Проследовав в спальню, Джульетта обнаружила, что мать лежит в постели. Пока Джульетта не могла избавиться от холода, одежда матери, напротив, была пропитана жарким потом. Белки ее глаз стали кроваво-красными.

Заметив дочь, мать улыбнулась.

– Врач будет ее навещать, – сообщил отец. – Правда в том, что он не знает причину недуга. Думает, что это чума, и вам, детям, не следует здесь находиться. Но мать хотела видеть тебя. – Он повернулся к двери. – Только тебя.

Джульетта кивнула. Она была уверена, что мать свалила не чума и не какой-либо другой земной недуг.

– Дельфине и Марселю сюда нельзя, – добавил отец, прежде чем его тяжелые шаги удалились вниз по лестнице.

Как только отец вышел из комнаты, мать Джульетты улыбнулась.

– Дело сделано.

Джульетта заметила синяки вокруг ее подбородка, – там, где сломалась челюсть, чтобы существо залезло ей в рот. В остальном о ночном происшествии больше ничто не напоминало. Джульетта не могла на нее смотреть; белки маминых глаз почти полностью заволокло красным.

– Я знаю, *Maman*¹⁵. – Джульетта заплакала. – Ты из-за меня заболела? Из-за того, что мы делали прошлой ночью? – Джульетта не знала, кем была женщина, которую она видела прошлой ночью, но женщина, лежащая перед ней, вновь была ее матерью. – Это я виновата.

Мама покачала головой.

– Нет. Нет, Джульетта, я поправлюсь. Вот увидишь. Но ты должна меня выслушать. Времени у нас нет. Через несколько дней тебе придет письмо, и ты должна сделать все так, как в нем говорится. Как *он* говорит. Поняла меня?

– Кто «он»? – Джульетта боялась, что речь о монстре из кожаной книги.

– Просто выслушай его. Он тебя защитит.

– Защитит от чего? – Джульетта погладила мать по лбу, но та, казалось, не заметила этого. – От чего меня нужно защищать? Я ничего не понимаю, мама.

– Я не вижу тебя, Джульетта. Ты меня поняла? Скажи это!

– Я поняла, – солгала Джульетта. – Придет письмо, – повторила она. – Я сделаю все, что в нем говорится. – Джульетта зарыдала. – Прости меня! Это все я виновата. Я сделала это с тобой. Я сделала это с нашей семьей.

– Нет. Ты не виновата. Тебе нельзя было рожать ребенка, Джульетта. Это слишком опасно. – Женщина улыбнулась. – Во всем виноват Маршан, но он за это заплатит. Вся эта чушь с картинами... Ты не была бы в безопасности. – Женщина изо всех сил пыталась дышать, но все же выдавила прерывистые слова: – Я их все уничтожила. Делай, как скажет мужчина. Я слишком много работала, чтобы обеспечить твою безопасность.

¹⁵ Мама (с французского).

– Но я была в безопасности, *Матан*.

Женщина покачала головой.

– Нет. Он слишком опасен. Слишком...

– Я не понимаю, – прошептала Джульетта, но мать затихла.

Она имела в виду Маршана? Джульетта держала мать за руку, пока не услышала стон, затем – хрип, а затем – жуткую тишину, которую нарушал только ветер, что колыхал оконные ставни.

Поскольку врач не был уверен, что это не чума, останки Терезы сожгли и закопали. Спустя неделю, убедившись, что в доме ЛаКомптов никто не заболел, доктор разрешил семье покинуть ферму. Истосковавшись по Маршану, Джульетта поднялась на холм в его студию, но обнаружила, что та пуста – не так, как раньше, когда на кушетке лежали покрывала. На этот раз *все* было вычищено, что не могло ее не напугать.

Джульетта вошла во двор и обнаружила, что горничная, которая обычно заботилась о Марселе, подметает мостовую.

– Месье Маршан уехал в Париж неделю назад. Его жена и ребенок умерли при родах. Он продает этот дом.

– Он что-нибудь мне оставил? Может, письмо?

Служанка покачала головой, повернулась и направилась на кухню, плотно закрыв дверь.

В куче пепла Джульетта заметила незаконченные наброски обнаженной себя. Она думала о том, чтобы вытащить и спасти их, но она потеряла столько всего за столь короткое время, что один взгляд на них причинял боль. Поэтому Джульетта просто оставила их лежать, как мусор.

Наступила ночь, и Джульетта поняла, что отец не принес воду. Взяв ведро, она направилась к колодцу; полная луна освещала ей путь. Отец не знал, что такие вещи, как вода, необходимы для работы дома.

Спускаясь к колодцу, Джульетта слышала обнадеживающее кудяхтанье кур во дворе. Она думала о Маршане. Ощущение его прикосновений до сих пор жгло кожу. Чувствуя слабость в ногах, она перестала накачивать воду. На нее нахлынули слезы. Что теперь будет с семьей?

Внезапный треск палок и рывок за платье вернули Джульетту в реальность. Кто-то резко развернул ее и швырнул на землю. Задыхаясь, Джульетта подняла глаза и увидела над собой Мишеля Бюссона и еще одного мальчишку.

– Это и есть та шлюха, которая станет твоей женой? – выпалил тот, что был ей незнаком.

Мишель, опустившись на колени, схватил Джульетту за волосы.

– Мы нашли картины – те, что в доме художника. Горничная пыталась их сжечь, но мы вытащили их из огня. Смотри!

Джульетта заметила наброски, разбросанные по земле позади них. Почти все они обгорели, но одна лишь мысль, что Мишель видел то, что происходило между ней и Маршаном, вызывала отвращение. В свете луны Джульетта могла видеть розовый цвет, который Маршан выбрал для ее кожи.

– Похоже, ей нравится обнажаться, – хмыкнул другой мальчик.

Фыркнув, Мишель зажал ее рот рукой и сорвал платье. Джульетта успела вскрикнуть, но Бюссон засунул часть платья ей в рот и забрался сверху. Пока он расстегивал грязные рабочие штаны, другой мальчик держал ее руки над головой. Мишель кончил через несколько секунд; казалось, он торопился, будто это занятие докучало ему. Джульетта в душе обрадовалась, что на том муки прекратились. Она вполне могла пережить случившееся.

Внезапный удар по лицу вернул ее в реальность, – и Мишель прижал ее к земле, чтобы другой мальчик мог занять его место. Он уделил Джульетте куда больше времени и будто наслаждался ее болью, пока его бедра с силой ударялись о ее.

– Ударь ее, – велел мальчик Мишелю, прежде чем закончить. – За оскорбление тебя и твоей семьи!

Когда все закончилось и мальчикам наскучила добыча, Джульетта свернулась калачиком, надеясь, что они оставят ее в покое, понимая, что не может даже заплакать. Она чувствовала, как по ногам и голове стекает теплая жидкость, и знала, что делали мальчишки, стоя над ней. Джульетта не открывала глаз, как будто это могло сделать происходящее менее реальным, могло помочь ей забыть, что они мочатся на нее. Ей *очень* нужно было забыть эту ночь.

– Расскажешь кому-нибудь, и мы позаботимся, чтобы все увидели картины, – гаркнул Мишель, застегивая брюки. Он наклонился ближе, и Джульетта почувствовала плевок. – Не волнуйся, маленькая шлюха, я все равно женюсь на тебе. Вот только мое отношение к тебе никогда не изменится. – Он приподнял ее голову за волосы. – Поняла меня?

Поскольку платье по-прежнему находилось во рту, Джульетте оставалось только кивнуть. Мишель отпустил ее, и голова Джульетты сильно ударилась о землю.

Мальчишки, собрав картины, направились обратно к дому Бюссонов – Джульетта слышала, как мать Мишеля позвала его. Джульетта слышала, как они насвистывают на ходу, и не двигалась с места, пока этот свист не растворился в ночи. Она понимала, что не может рассказать об этом отцу. Что он мог сделать? Бюссонам принадлежала земля, которую он возделывал. Они никогда не поверят ей. Никогда.

Накачав воду из колодца, Джульетта обтерлась рваным платьем, пока не стала совершенно чистой. Она вылила воду себе на голову, чтобы избавиться от запаха мальчишек и мочи, а затем закуталась в платье и похромала домой.

Вернувшись под родную крышу, Джульетта залезла в кровать к Дельфине и разрыдалась. Даже спустя неделю после смерти матери Джульетта не могла избавиться от холода, который, казалось, проник в глубины ее тела. Никакое количество одеял, никакое тепло маленького тела сестры не могли уменьшить тупую боль этого холода.

На следующее утро лицо Джульетты выглядело не так плохо, как она боялась. Она сказала Дельфине, что упала, и сестра поверила в эту историю. Отец Джульетты уже ушел в поле, а с наступлением темноты он наверняка не заметит красных отметин на теле дочери.

Сегодня Джульетта решила научить Дельфину ходить за водой. Ввиду своих травм она сомневалась, что сможет добраться до колодца. Кроме того, после вчерашней ночи ей совершенно не хотелось туда ходить. Дельфина принесет полведра – это маленькой девочке вполне по силам.

Открыв дверь кухни, Джульетта обнаружила на земле конверт, подсунутый в щель в полу. Она огляделась, но никого не увидела. Конверт выглядел тяжелым, дорогим и был адресован мадемуазель Джульетте ЛаКомпт. Имя написали завитками, которые делали буквы похожими на произведения искусства. Под кремовой бумагой девушка разглядела водяной знак. Джульетта сломала восковую печать, надеясь увидеть послание от Маршана. Это было то самое письмо, о котором упоминала мама. Затаив дыхание, Джульетта вытащила листок, молясь, чтобы Маршан все-таки послал за ней. Однако прочтенное не на шутку ее озадачило:

Уважаемая мадемуазель ЛаКомпт!

В ответ на ваш запрос о приеме на работу месье Люсьен Варнье с XX бульвара Сен-Жермен, Париж, предлагает должность горничной. В оплату входит проживание плюс 850 франков в месяц. Он будет ждать вас не позднее 14 сентября 1895 года.

С уважением, Поль де Пасс, секретарь

Глава 11

Джульетта ЛаКомпт
Париж, Франция, 1895 год

Поднимаясь по ступеням дома на бульваре Сен-Жермен, Джульетта несла только одну маленькую сумку. Большие черные полукруглые двери выглядели настолько внушительными, что Джульетта остановилась, прежде чем постучать. Высадивший ее экипаж уже свернул за угол, но Джульетта по-прежнему слышала глухой стук лошадиных копыт. Вздохнув, она резко ударила кулаком в дверь.

Отец Джульетты отвез ее на вокзал в Шаллане. Конечно, он крайне нуждался в ее помощи на ферме, чтобы воспитывать брата и сестру, но в письме обещали деньги, и предложение оказалось слишком заманчивым, чтобы он мог не отпустить дочь. На ее жалованье, которое Джульетта обещала присылать каждый месяц, отец мог нанять двух человек, чтобы те помогли на ферме. Другим вариантом был Мишель Бюссон, но отец понимал, что рядом с ним дочь будет несчастна.

Спустя несколько дней отцу пришла посылка: тяжелый мешок с золотыми франками. С прибытием второй посылки протесты по поводу поездки в Париж или расторжения помолвки с Мишелем Бюссоном и вовсе прекратились.

Отец и дочь стояли на пустой платформе. На нем был воскресный костюм и рабочие ботинки – мать никогда бы не позволила ему выйти из дома в таком виде. Эта маленькая деталь наполнила глаза Джульетты слезами.

Переминаясь с ноги на ногу, отец посмотрел на грязные ботинки.

– Твоя мать уверила меня, что этому человеку следует доверять.

– Месье Варнье?

Он кивнул.

– Она заставила пообещать, что ты сделаешь все, как сказано в письме. Если бы ты не захотела, мне пришлось бы тебя заставить. Так она просила. – Его глаза внимательно оглядывали платформу. – Знаешь, мы здесь познакомились. – Отец поставил сумку Джульетты к ее ногам, будто снимая всю ответственность за нее – и за дочь.

– Нет. Я не знала. – Джульетта поняла, что мать была для нее полной загадкой. – Я ничего о ней не знала.

Отец указал на скамейку в центре платформы.

– Она только сошла с поезда из Парижа, а я уже понял, что никогда в жизни не встречал женщины прекраснее, чем она. Чем моя Тереза. Она хотела добраться до берега и пересечь на корабль, но из-за болезни не смогла ехать дальше. Я был настолько очарован ею, что даже опоздал на поезд до Парижа, о чем, кстати, ни разу не пожалел. – Отец грустно улыбнулся. – Надеюсь, она тоже не жалела.

Тяжесть осознания, что матери больше нет, навалилась на Джульетту сильнее, чем когда-либо.

– Мама никогда не рассказывала о Париже. – Джульетта перевела взгляд на рельсы.

– Она не хотела об этом говорить. – Сделав два шага в сторону, отец сунул руки в карманы. – Ты будешь в безопасности с этим человеком, Джульетта. Это лучше, чем жизнь с Бюссоном. Поверь мне, Мишель очень жестокий. Я никогда не хотел, чтобы ты выходила за него замуж, но... Бюссоны одобряли идею вашего брака, что удивительно, учитывая наше финансовое положение.

Джульетта почувствовала, как на глаза навернулись слезы. Она всегда подозревала, что отец знал правду о Мишеле Бюссоне.

– Пообещай мне кое-что, отец.

– Смотря что. – Он говорил с ней как со взрослой девушкой, которая в настоящий момент отправлялась в новую жизнь.

– Обещай мне, что, если Огюст Маршан пришлет мне письмо или приедет за мной, ты сообщишь ему, где я нахожусь.

– Обещаю.

Отец кинул взгляд на что-то за ее спиной, и Джульетта заметила, как он напрягся. Лицо отца побледнело так, будто он увидел привидение.

Обернувшись, Джульетта заметила женщину в выцветшем желтом платье, немодном даже для деревни. Яркое платье скорее напоминало театральный костюм. Женщина была старше, примерно того же возраста, что отец; платье выглядело старомодным, но фасон больше подошел бы юной девушке. Волосы незнакомки, золотистые, как ее платье, были уложены в неряшливое гнездо на затылке и прекрасно сочетались с цветом ее наряда. Женщина выглядела бледной и худой, под глазами ее залегли темные круги. Похоже, она не ела несколько дней.

– Кто это?

Отец обошел дочь, точно кошка, и встал между ней и незнакомкой.

– Не знаю.

Джульетта не поверила ему.

– Когда придет поезд, не садись в него, пока я не скажу. Поняла?

– Почему?

– Просто сделай, как я говорю, ладно? Не пугайся.

Джульетта кивнула.

Кроме них троих, на платформе больше никого не было. Когда поезд прибыл, из тамбура вышел контролер. Он огляделся по сторонам, высматривая потенциальных пассажиров. Все трое – Джульетта, отец и женщина в желтом – замерли там, где стояли. Женщина смотрела на Джульетту так, будто набросилась бы, если бы могла подойти поближе.

Ожидая команды отца, Джульетта услышала призыв контролера:

– Поезд отправляется!

Отец схватил дочь и крепко прижал к груди.

– Иди, сейчас же! Ты меня слышишь?

Она на мгновение прильнула к отцу, судорожно кивая.

– Тебя ждет чудесная жизнь в Париже. Твоя мать хотела бы этого.

Едва слышные всхлипы вырвались из горла Джульетты. Они оба знали, что ее мать хотела для дочери чего угодно, но только не жизни в Париже. Это была жизнь, которую хотела *Джульетта*... Вот только какой ценой?

Наконец отец отстранился, направился к незнакомке и начал о чем-то с ней беседовать. Женщина казалась рассеянной. Она смотрела только на Джульетту и всеми силами старалась избавиться от собеседника. Раздался гудок поезда, но Джульетта будто приросла к платформе. То, что она увидела, не могло не озадачить ее: добродушный отец вдруг схватил женщину за плечи и крепко сжал, будто в страстных объятиях.

– Иди! – кричал он. – Иди же!

Женщина в желтом изо всех сил старалась вырваться из его хватки, но не могла противостоять мужской силе. К тому же на платформе не было никого, кто мог бы ей помочь.

Джульетта запрыгнула в медленно отъезжающий поезд.

Издали она видела, как женщина наконец-то вырвалась на свободу и побежала вдоль платформы, тщетно пытаясь догнать последний вагон. Довольный отец отвернулся и направился к лестнице. Поезд начал набирать скорость; Джульетта смотрела на проносившиеся мимо деревни и никогда в жизни еще не чувствовала себя более одинокой.

Будучи молодой женщиной, путешествующей без сопровождения, Джульетта замечала осуждающие взгляды иных пассажиров. Не обращая на них внимания, она заняла свое место и стала смотреть в окно. Она наблюдала, как на смену деревням пришли окраины Парижа с их узкими улочками, нетронутыми бароном Османом¹⁶.

Париж оказался городом, наполненным красками и шумом. Солнце поднималось над горизонтом, разливая свет и тепло; Джульетта никогда не видела столько изумительных шелковых платьев и вычурных шляп. Повсеместно расположенные цветочные тележки и кондитерские магазины пестрели ярко-розовыми, синими и зелеными цветами. Джульетта никогда не встречала подобных оттенков. Широкие улицы Парижа и серые здания производили невероятное впечатление на деревенскую девчонку. Хотя картины Маршана и запечатлели кусочек Парижа, Джульетта даже не представляла, что мир может быть настолько большим. Но как же Маршан отыщет ее в столь огромном городе?..

Вновь постучав в дверь, Джульетта вытатила приглашение и сопоставила адрес с номером на двери. Наконец гигантская дверь отворилась, и на пороге показался высокий мужчина с густыми усами и в очках с тонкой металлической оправой. Он смотрел на оживленную улицу, пока не понял, что источник шума находится ниже, и не опустил взгляд поверх очков. На первый взгляд Джульетта не сумела определить его возраст. Она еще ни разу не встречала столь странно одетого мужчину.

– А-а! – Сложив руки в каком-то молитвенном жесте, незнакомец поклонился. – Вы, должно быть, мадемуазель ЛаКомпт?

Джульетта кивнула, не в силах говорить.

Он снова поклонился и, не дождавшись ответа, расплылся в широкой улыбке.

– Меня зовут Поль де Пасс. Я секретарь месье Варнье. Я вам писал. Добро пожаловать, мадемуазель. – Мужчина распахнул тяжелую дверь, и Джульетта шагнула в огромный коридор с винтовой лестницей и мраморным полом с черно-белыми узорами. – Позволите? – Поль взял ее сумку, после чего жестом велел гостье подниматься по лестнице. – К сожалению, месье Варнье уехал по делам, но он присоединится к вам за ужином.

– Присоединится ко мне за ужином? – Джульетта покачала головой. – Месье де Пасс, боюсь, вы ошибаетесь. Я прибыла сюда на работу. Я горничная.

– Да-да, – сказал Поль. – Вы сами убедитесь, что месье Варнье предпочитает иной подход ко многим вещам. Он не желал, чтобы вы приступали к работе без должного ужина после дальней дороги, вот и все.

– Вам известно, чем конкретно я буду заниматься? – Джульетта сняла пальто. – У меня не так много навыков.

Поль де Пасс без колебаний принял ее грязную изношенную одежду.

– Ах да. Что ж, у вас есть то, что месье Варнье называет... *потенциалом*, мадемуазель ЛаКомпт. Месье Варнье *любит* потенциал. Просто обожает! Я бы сказал, что он зорко его *ищет*.

Джульетте стало не по себе. Мысль о «договоренности», заключенной между матерью и месье Варнье, очень сильно ее встревожила. Внезапная перемена в поведении отца и деньги, которые он получил, наводили на мысль, будто ее *продали*. А теперь она вдруг узнает, что виной всему – «*потенциал*». Мать посоветовала Джульетте выполнить просьбу «мужчины», и Джульетта предполагала, что этим мужчиной являлся Варнье. Но что, если это не так?

Джульетта последовала за Полем де Пассом по крутой винтовой лестнице. Наверху перед ней открылся величественный белый коридор с четырьмя помпезными люстрами.

¹⁶ Прозвище французского градостроителя Жоржа Эжена Османа (1809–1891 гг.), во многом определившего облик современного Парижа.

– В этой квартире десять комнат на двух верхних этажах. На самом деле она довольно маленькая, но месье Варнье слишком нравится Латинский квартал, – объяснил Поль, открывая двойные двери, ведущие в комнату с диваном, пианино и целой стеной книжных шкафов.

Джульетта коснулась золотых корешков. Поль де Пасс тем временем открыл окна, выходящие на бульвар Сен-Жермен. Теплый воздух позднего утра нежно покачивал прозрачные занавески. Спустя миг Поль открыл другую дверь, за которой показались замысловатый стол и еще одна люстра. Джульетта насчитала в комнате десять стульев. Проследовав за Полем обратно в коридор, Джульетта открыла еще одну дверь, ведущую в кабинет с огромным столом и камином.

– Это кабинет месье Варнье, но он не возражает, чтобы им пользовались другие обитатели дома.

Джульетте не прививали хорошие манеры, но Поль сделал вид, будто это добрый жест таинственного Варнье.

Джульетта прочистила горло, увидев над камином массивный портрет незнакомого мужчины.

– Это он?

Поль повернулся, поправил очки и посмотрел на картину так, будто впервые попал в эту комнату.

– *Oui*¹⁷, – уверенно заявил он. – *C'est Monsieur Varnier*¹⁸.

Подойдя ближе, Джульетта бросила на картину озадаченный взгляд. У мужчины были темно-русые волосы, зачесанные назад. Его нарисовали сидящим; глаза его казались на оттенок ярче темно-синего костюма. Как и в случае с Полем, было трудно определить возраст месье Варнье, но Джульетта решила, что они с отцом приблизительно одного возраста.

– Теперь он носит бороду, – заметил Поль. – В Париже это модно, а месье Варнье, ну... он тот еще *модник*. Впрочем, вы скоро сами убедитесь.

– Чем он занимается? – Джульетта внимательно посмотрела на подпись художника. На миг она затаила дыхание... пока не увидела, что работа не принадлежит Огюсту Маршану. До этого момента Джульетта надеялась, что Варнье каким-то образом связан с Маршаном. Она не теряла надежды, что именно *художник* привел ее в эти апартаменты. Джульетта заглянула под раму и подняла глаза на картину, изучая мазки. Этому она научилась у Маршана. Если подумать, любая картинка являла собой набор цветных мазков. Джульетта знала мазки Маршана настолько же хорошо, как его тело, и знания эти были поистине сокровенными.

– Месье Варнье ничем не занимается. – Поль явно замешкался. – Можно сказать, владеет семейным состоянием. – Поль повернулся, чтобы выйти из комнаты. – Позвольте мне показать вашу комнату, мадемуазель ЛаКомпт.

Джульетта проследовала за Полем и поднялась по другой лестнице, где для декора использовали более темные деревянные панели с инкрустацией. В конце коридора Поль распахнул двустворчатые двери – самые высокие, которые Джульетта когда-либо видела. Переступив через порог, она очутилась в комнате с кремовыми стенами и деревянной отделкой на оттенок темнее. Определенно женской. Потолок выполнили в цвете экры¹⁹ с узорами в виде листьев, орнаментом и лепниной. Своим видом комната напоминала десерт. Даже в коврик под ногами сплетались несколько цветов: бледно-голубой, зеленый и кремовый с нотками кораллового. Подойдя к окну, Джульетта узрела прекрасный вид на бульвар Сен-Жермен. Тяжелые бледно-голубые шторы из тафты были перевязаны золотистой кисточкой. Откинув кремовый тюль, Джульетта открыла окна. Кровать закрывал бледно-зеленый балдахин. Кремо-

¹⁷ Да (с французского).

¹⁸ Это месье Варнье (с французского).

¹⁹ Бледно-серо-желтый или светло-серо-желто-коричневый цвет.

вый резной комод щеголял золотыми ручками, золотистый стул и прикроватный столик украшала тонкая резьба. Комната выглядела слишком богатой для простой горничной.

Джульетта сглотнула желчь, подступившую к горлу, и повернулась к Полю, который как раз открывал шкаф.

– Здесь платья для вас, мадемуазель.

– Скажите мне, пожалуйста, как месье Варнье меня отыскал?

Поль не смотрел ей в глаза. Вместо этого он снял нежно-голубое платье с кремовым кружевом и положил его на кровать. Внутри шкафа Джульетта увидела почти дюжину великолепных нарядов.

– Месье Варнье предположил, что платья вам подойдут. А вот *это* станет отличным выбором для сегодняшней встречи. Ужин запланирован на восемь часов. Мне придется покинуть вас на время. – Мужчина откланялся и направился к двери, но вдруг снова повернулся. – Его нашла ваша мать, мадемуазель.

– Моя мать? – Джульетта почувствовала, как у нее перехватило дыхание.

– *Oui*. Ваша мать порекомендовала вас месье Варнье на эту должность.

– Здесь какая-то ошибка, сэр. Моя мать скончалась.

– *Oui*. Месье Варнье расстроился, услышав эту новость.

– Они познакомились, когда она жила в Париже?

Еще с той ночи с меловым кругом Джульетта знала, что когда-то мать жила совершенно иной жизнью, кардинально отличной от жизни в Шаллане. Теперь Джульетта задавалась вопросом, связан ли с этим месье Варнье.

Поль улыбнулся.

– Я уверен, что сегодня вечером месье Варнье даст ответы на многие ваши вопросы. – Он взял паузу. – Ваши волосы, мадемуазель ЛаКомпт. Мне прислать Мари? Она поможет вам с прической.

Коснувшись собранных в пучок длинных волос, Джульетта ощутила прилив неловкости – откуда ей было знать, что ее ждали к ужину? Джульетта была фермерской девушкой, которая жила в простом каменном доме с четырьмя комнатами. Она не была готова к подобному образу жизни. Она будет выглядеть глупо. Все происходящее напоминало подстроенный Мишелем глупый розыгрыш.

Открыв сумку, Джульетта нашла пару рабочих платьев. Она взяла их с собой, не зная, получит ли форму горничной. В тот момент на ней было ее лучшее платье – длинное хлопковое платье, некогда принадлежавшее матери; но Джульетта выросла из него еще в прошлом году, и после всех воскресных служб оно изрядно износилось. В сравнении с разложенным на кровати бледно-голубым нарядом ее собственный выглядел старым и грязным.

– Мадемуазель? – настаивал Поль. – Ваши волосы?

– *Oui*, – согласилась Джульетта. – *S'il vous plaot*²⁰.

– *Merci*²¹. – Секретарь кивнул и закрыл за собой дверь.

Как только Поль вышел из комнаты, Джульетта разрыдалась. Она осталась одна в целом мире и понятия не имела, кто такой Люсьен Варнье и чего он хочет. Синяки, полученные после ужасной ночи с Мишелем и другим мальчиком, наконец-то зажили, но Джульетта боялась одной мысли, что мать могла договориться на нечто подобное с месье Варнье. Догадки о том, что ей придется делать в обмен на комнату и платья, вызывали тошноту. Джульетта сама слышала истории о падших женщинах, которых продавали в проститутки.

Единственное утешение заключалось в том, что теперь Джульетта находилась в том же городе, что и Маршан. Пока экипаж ехал по улицам, она вглядывалась в уличные указатели

²⁰ Пожалуйста (с французского).

²¹ Спасибо (с французского).

на зданиях, надеясь найти хоть какое-то название из тех, что упоминал при ней художник. Джульетта найдет его в этом огромном городе, и он вытащит ее из этого ужасного соглашения с месье Варнье.

Из открытого окна Джульетта слышала шум и, взглянув вниз, увидела кафе через дорогу и трех оживленных мужчин, смеющихся и спорящих. Эта людная улица так походила на место, которое Маршан рисовал для нее. Джульетта почувствовала укол отчаяния, когда поняла, что прекрасная картина Парижа, которую художник написал на ее день рождения, уничтожена. Маршан, ребенок, мать, дом – все пропало. Джульетта вновь ощутила пустоту, что неустанно окутывала ее холодной чернотой. Впрочем, девушка заметила, что холод, поселившийся в ней в Шаллане, исчез. В *этом* доме ей стало тепло. Она провела руками по предплечьям и больше не чувствовала липкости, которую ощущала на пальцах с той самой ночи.

Сев ровно, Джульетта похлопала себя по лицу, чтобы утереть слезы. Смысла в них все равно не было.

Джульетта подошла к шкафу и изучила наряды. Первыми висели длинное светлое шерстяное пальто, юбка с оборками и кружевная блузка с высоким вырезом. Далее шли темно-зеленое одеяние с сапфирово-синим жакетом; простое хлопковое платье цвета морской пены с бантом на талии; коричневое бархатное пальто и юбка. Рядом расположились шелковое платье серебристо-лавандового цвета, отделанное кремовым кружевом; бледно-розовое хлопковое платье с темно-розовыми рукавами и декоративной сборкой на лифе; черное платье с юбкой из атласа и тюля; черное бархатное пальто и широкополая шляпа. Джульетта никогда не видела настолько красивых платьев, каждое из которых соединяло в себе идеально гармоничные цвета и фактуры.

Внезапно раздался стук, и на пороге появилась крепкая пожилая женщина в простом черном платье горничной.

– Меня зовут Мари, – представилась женщина.

Джульетте стало неловко, что Мари застала ее перед зеркалом с розовым платьем в руках.

– Великолепный выбор, мадемуазель ЛаКомпт. Мы не знали ваш точный размер, поэтому, надеюсь, оно вам подойдет. У месье Варнье отменный вкус, *n'est-ce pas?*²²

Джульетта кивнула.

– Никогда раньше не видела таких красивых вещей. – Она посмотрела на собственное платье, которое висело на ней точно мешок.

– Неважно. Я помогу вам с ванной и прической. Месье Варнье как раз вернулся.

Тот факт, что таинственный месье Варнье теперь находился в доме, привел Джульетту в чувство. От этой мысли ее пробирал озноб; сердце трепетало от волнения.

Мари открыла дверь в примыкавшую к комнате просторную ванну. Войдя внутрь, Джульетта испытала настоящее потрясение. Одна эта комната была больше кухни в ее родном доме. У Джульетты никогда не было настолько роскошной ванны, и большую часть времени она довольствовалась тем, что мылась губкой у маленькой раковины, которую делила с Дельфиной.

После ванны, пока сушились волосы, Джульетта успела вздремнуть. Измученная дорогой и переживаниями, она погрузилась в глубокий сон. Вскоре ее разбудила Мари, вручив кофе и печенье. Сидя за туалетным столиком, Джульетта наблюдала, как Мари собирает ее каштановые волосы и закалывает их на макушке медными и золотыми заколками, вытягивая отдельные пряди и завивая шпильками.

– У вас великолепные волосы, мадемуазель, – похвалила Мари. – Как львиная грива!

Странно, но Джульетта никогда не считала себя красивой. Она думала, что Маршан выбрал ее из всех девушек в деревне лишь потому, что она жила в соседнем доме.

– *Merci*, – поблагодарила Джульетта. – Можно полюбопытствовать?

²² Не так ли? (с французского).

– Конечно. – Мари посмотрела на нее в зеркало.

– Какой он? – Джульетта безуспешно изучала лицо Мари, ожидая реакции.

– На месье Варнье я работаю недолго. Он очень щедр ко мне, – призналась женщина. – Его не особо заботит состояние этого дома, что мне кажется странным.

– А есть ли мадам Варнье?

Мари покачала головой.

– Нет, а жаль. Он очень красивый мужчина. Женщины всегда замечают его на улице. Некоторые даже присылают записки с приглашениями, однако днем он редко выходит из дома. – Мари застегнула голубое платье и помогла Джульетте с ужасно большими туфлями. – О, милая! Завтра же исправим эту оплошность, но сегодня придется потерпеть, – извинялась Мари, набивая в туфли вату.

Вытащив брошь-камею из шкатулки на туалетном столике, Мари прикрепила ее на ворот кружевной блузки Джульетты, а затем вытащила булавки из ее прически, чтобы раскидать завитые пряди вокруг лица. Изучая проделанную работу в зеркале, Мари выглядела очень довольной. Джульетта не могла поверить, что отражение в серебристом стекле принадлежит ей. Платье оказалось слишком велико в груди, но в остальном сидело прекрасно. Тем не менее Джульетта не могла избавиться от ощущения, что примерила одежду и туфли своей матери.

Мари удалилась, забрав с собой старую одежду Джульетты.

В восемь в коридоре нижнего этажа раздался бой часов, и Джульетта услышала звук открывающейся двери. Приподняв юбку, чтобы не споткнуться, Джульетта на цыпочках спустилась по лестнице. Она чутко прислушивалась, но дом оставался смертельно тихим. Кинув взгляд через перила, Джульетта увидела проходящего под ней мужчину. Внезапно он остановился.

– Так и будете стоять, мадемуазель ЛаКомпт, или все-таки спуститесь? – Склонив голову, мужчина посмотрел на гостью.

От его присутствия и уверенности в себе у Джульетты подкосились ноги. Она никогда не видела, чтобы один человек мог настолько заполнять собой целое помещение, как это делал месье Люсьен Варнье. Даже Маршан, самый изысканный мужчина в ее жизни, не мог похвастаться харизмой Варнье. Подойдя к ступеням, он оперся на перила, ожидая, когда она спустится. Джульетта сделала шаг, а затем остановилась – пятки выпадали из туфель. Тогда девушка сняла их и взяла в руки.

Теперь она сравнивала каждого мужчину с Маршаном. Варнье был ниже и стройнее, но совсем ненамного. Черты его лица не отличались той мягкостью, которая сквозила в Маршане с его большими зелеными глазами и точеным носом. Лицо Варнье не выглядело изящным. Его внешность изобиловала линиями и углами. Он казался красивым батраком, который вдруг разбогател, тогда как Маршан выглядел так, будто давно привык к состоянию.

Джульетта никак не могла понять, разочаровала ли она месье Варнье. Она ступила на пол, чувствуя непривычное скольжение чулок под платьем. Бросив взгляд на туфли, она подняла их, демонстрируя хозяйину дома.

– Они слишком большие.

Варнье улыбнулся.

– Тогда оставьте их. Я попрошу месье де Пасса купить новые туфли вашего размера. К сожалению, после ужина вы не сможете насладиться прогулкой по Парижу, но, возможно, завтра мы это исправим.

Джульетта слегка поклонилась. Дружелюбие мужчины обезоружило ее.

– Вы очаровательно выглядите, – добавил он и жестом пригласил ее пройти в столовую.

Длинный стол, который Джульетта видела ранее, теперь был накрыт на двоих. Во главе стола должен был сесть месье Варнье, а слева от него – Джульетта. Обстановка была тщательно

продумана. В центре стола в расписной вазе брызгами пестрели красные, розовые и зеленые цветы.

Слуга принес первое блюдо – овощной крем-суп. Джульетта ела молча, одолев лишь несколько ложек. Волнение лишало ее всякого аппетита. Джульетта наблюдала за движениями Варнье, стараясь имитировать их грацию, чтобы хоть немного соответствовать торжественной обстановке ее первого званого ужина.

Наконец Варнье заговорил:

– Надеюсь, поездка прошла хорошо?

– Да... вполне нормально.

– И как вам Париж?

– Огромен, сэр.

Варнье посмеялся.

– Что ж, честный ответ.

Джульетта отложила ложку.

– Месье Варнье? – Она не знала, чем руководствовалась, задавая вопрос, – глупостью или храбростью. Обе эмоции, казалось, нахлынули одновременно. – Можно я спрошу?

Мужчина отодвинул тарелку и скрестил руки на груди.

– Конечно.

– Я бы хотела узнать, на каком положении нахожусь в этом доме. Но для начала поблагодарить вас.

Варнье улыбнулся, но улыбка показалась Джульетте совершенно неискренней.

– Не за что, мадемуазель.

– *Чем* именно я буду здесь заниматься?

Внезапно открывшаяся дверь прервала Варнье прежде, чем он ответил. Слуга убрал суп. Спустя мгновение в столовую вошла Мари, держа в руках блюдо с рыбой.

– Палтус с лимоном и каперсами, – объявила женщина.

Варнье подождал, пока слуги закроют за собой дверь, после чего прокашлялся и наклонился к Джульетте.

– Вы моя гостя, мадемуазель. Я ничего от вас не требую.

– Но, – запинаясь Джульетта, – я не понимаю. У меня же должна быть какая-то работа. Уборка или...

– Или? – Варнье откинулся на спинку стула. – Не хочу показаться грубым, мадемуазель ЛаКомпт, но *есть* ли у вас какие-нибудь навыки?

Джульетта посмотрела на блюдо перед собой, покачала головой и разрыдалась.

– Нет, сэр, я ничего не умею. Я лишь работала на ферме, но, честно говоря, и это у меня не очень-то получалось. – Тело Джульетты почти сводило судорогой. – Я не знаю, зачем я здесь, месье. Я в полном смятении.

С глубоким вздохом Варнье вытащил платок и протянул ей.

– Мои извинения, мадемуазель. Я думал, вам все известно.

– *Что* известно? – спросила Джульетта, повысив голос. Она ждала подробностей гнусного соглашения, что заключила с этим мужчиной ее мать.

Их снова прервал слуга, который убрал нетронутую тарелку Джульетты и через мгновение вернулся с двумя порциями прессованной утки с вишневым соусом и тушеными овощами.

Варнье дождался, когда прислуга уйдет и закроет за собой дверь.

– Я знал... – Он сделал неуверенную паузу, прежде чем продолжить: – Что ж, я *связан* с вашей покойной матерью, и после ее смерти забота о вас легла на меня. Я, так сказать, ваш опекун.

– Вы? – Джульетта искала ответы в лице мужчины, но он выглядел абсолютно невозмутимым. – У меня есть отец, месье Варнье. Я о вас никогда не слышала.

Он взял нож и вилку и начал резать утку. Его руки были худыми, но изящными, а пальцы – длинными и тонкими.

– Вам следует поесть. – Варнье указал на тарелку. Откинувшись на спинку стула, он изучил девушку долгим взглядом. – Мы скажем, что вы моя племянница.

Вытерев лицо салфеткой, она устала на еду. Вишневый соус напомнил ей кровь. Джульетта была уверена, что от слез лицо ее опухло и покрылось пятнами.

– А я правда?..

– Что?

– Ваша племянница?

– Нет... Нет, что вы! Мы не связаны родственными узами, – отчеканил Варнье, как будто одна мысль об этом была ему неприятна. Он продолжил есть, игнорируя тот факт, что Джульетта даже не прикоснулась к своей утке.

– Но я не понимаю. Почему вы должны обо мне заботиться? У меня есть семья. Вы знали мою мать, когда она жила в Париже?

Варнье перестал жевать.

– Да, можно и так сказать.

– Но дело не в этом? Я не понимаю, как вы связаны с моей матерью? – Джульетта взяла вилку и нож, но тут же положила на место.

Варнье, откинувшись на спинку стула, ковырнул ногтем скатерть.

– Лично я вашу мать не знал, хотя она вроде как милая женщина. После ее смерти я стал вашим опекуном. Вам никто больше не причинит вреда, Джульетта. Большого вам знать не нужно. – Он потер руки, как будто в знак того, что разговор окончен.

По телу Джульетты пробежал холодок. Откуда Люсьену Варнье известно, что ей причинили вред? Он не мог знать о Маршане и Мишеле Бюссоне. От этих мыслей голова Джульетты шла кругом, и она ощутила слабость, как будто вот-вот упадет в обморок.

Варнье смотрел на нее.

– У меня есть прекрасный учитель фортепиано. Месье де Пасс утверждает, что у него хорошие рекомендации. Я подумал, что можно немедленно приступить к занятиям. Вы любите музыку?

Джульетта кивнула, но подумала, что единственная музыка, которую она когда-либо слышала, звучала в церкви. Или когда сумасшедший месье Морель играл на полусломанной скрипке на городской площади в рыночные дни (когда не кричал на женщин, чтобы те дали ему хлеба и сыра из своих корзин).

– Вы умеете читать? – Вопрос Варнье не показался оскорбительным. – Если нет, мы немедленно начнем уроки.

Похоже, он даже не заметил, что Джульетта кивнула. Мать научила ее читать Библию, однако были и другие книги, которые Тереза привезла из Парижа. Александр Дюма и Гюстав Флобер были мамиными фаворитами. Джульетта вспомнила женские руки, обветренные после мытья и разделки мяса, перелистывающие нежные страницы книг. Маме часто приходилось облизывать сухие пальцы, чтобы перевернуть тонкие бумажные листы.

Неохотно Джульетта откусила от утки, положила кусочек на язык и заставила себя проглотить его. Птица была не такой свежей, как те, которых они забивали на ферме, но вишневый соус оказался роскошной приправой, к которой вкусовые рецепторы Джульетты пока не привыкли. Еда на ферме состояла в основном из тушеного мяса и хлеба, но в этой новой жизни все было куда сложнее. Она взглянула на резные деревянные панели и тяжелую люстру. Чувства были перегружены видами улиц, платьев и звуками города за окном. Теперь и язык столкнулся с замысловатой смесью простых продуктов. Джульетта тосковала по безыскусному четырехкомнатному дому из дерева и камня, но когда вспоминала Мишеля Бюссона, понимала, что не

сможет вернуться, даже если захочет. Джульетте пришло в голову, что она, возможно, никогда больше не увидит ферму или своих братьев и сестер. Грудь ее сжалась от боли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.